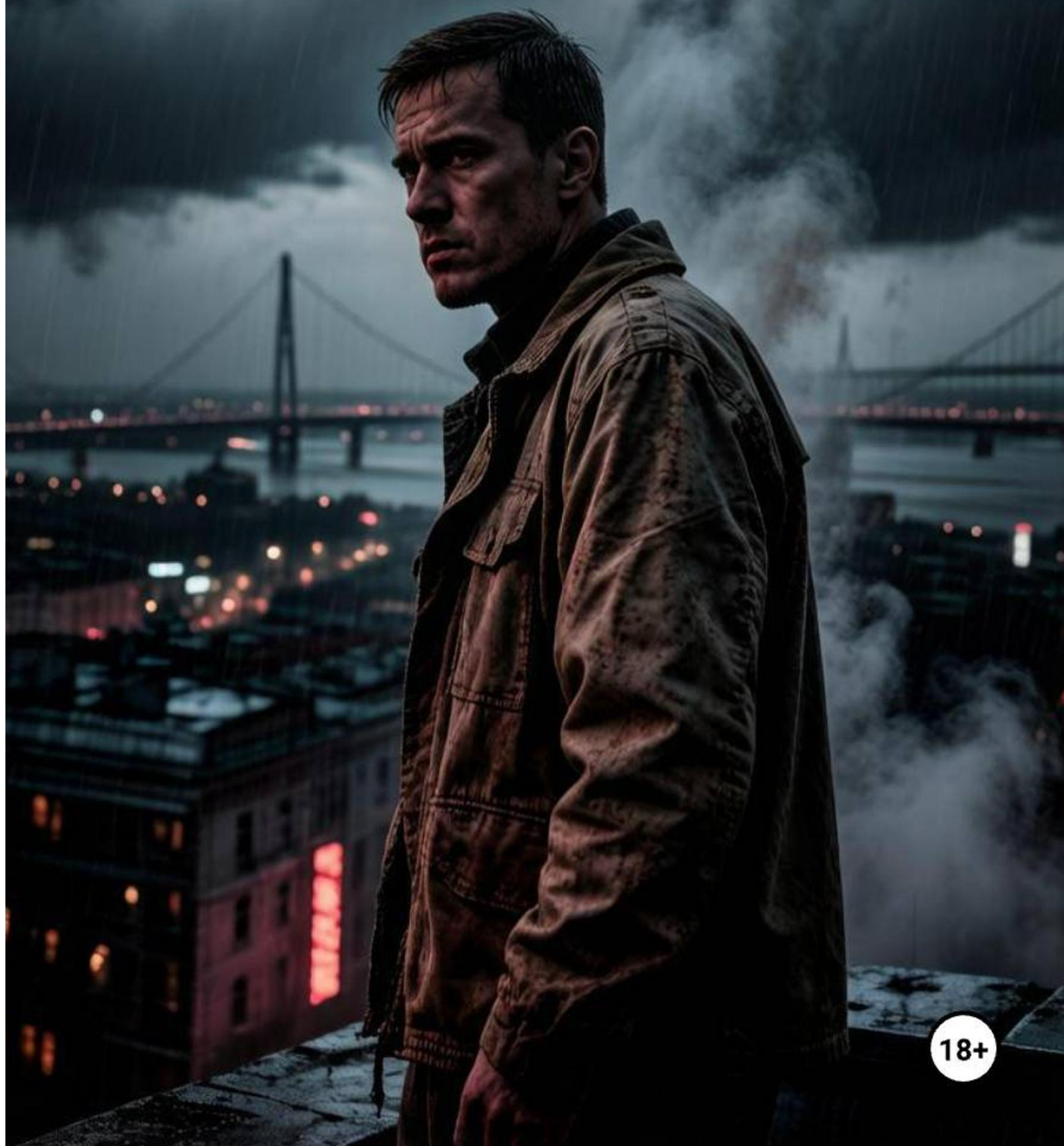

КРОВАВЫЙ ВЕКСЕЛЬ

Ирина Васильева

18+

Ирина Васильева
Кровавый вексель.

«Автор»

2026

Васильева И.

Кровавый вексель. / И. Васильева — «Автор», 2026

Он был легендой спецназа. Офицер, которого списали в архив вместе с его прошлым. Но когда Система решила забрать единственное, что у него осталось — жену и сына, — призрак по имени Зной восстал из пепла. Ведомый жаждой мести за предательство друга и гибель жены, бывший капитан ГРУ Олег Волков начинает собственную войну против теневого правительства России. Его путь лежит от гниющих портовых доков Санкт-Петербурга до заснеженных лесов Карелии и стеклянных небоскребов бизнес-центров. Но чем выше он поднимается по трупам врагов, тем яснее понимает страшную истину: вся его личная вендетта была лишь частью чужого плана. Он — пешка в игре генералов спецслужб и финансовых воротил, где семья была лишь приманкой, а архивы с компроматом — разменной монетой. Чтобы спасти сына и закрыть счет старым долгам, капитану придется пройти через ад корпоративных войн, пережить взрыв собственного офиса на сорок четвертом этаже и спуститься в ледяные коллекторы подземного Петербурга.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Падение.	5
Глава 1. Затишье перед бурей.	5
Глава 2. Старые долги.	11
Глава 3. Тень прошлого.	17
Глава 4. Визит вежливости.	22
Глава 5. Переломный момент.	28
Глава 6. Возвращение в строй.	33
Глава 7. Ограбление века.	38
Глава 8. Ложный след.	43
Глава 9. Двойная игра.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кровавый вексель.

Часть I. Падение.

Глава 1. Затишье перед бурей.

Сентябрь в порту пахнет ржавчиной, дизельным выхлопом и гниющей водой из залива. Для большинства людей этот запах — синоним грязи, нищеты и тяжелого ручного труда. Для Олега Волкова он был запахом свободы.

Здесь никто не смотрел на него как на сломанную вещь. В бетонных лабиринтах контейнерного терминала его знали просто как «Зной». Не потому что у него был вспыльчивый характер — Олег давно разучился повышать голос, а эмоции выжег внутри себя еще пять лет назад, во время штурма одного горного аула.

Прозвище прилипло к нему из-за старого ожога: рваный шрам от термической гранаты тянулся от левой скулы вниз по шее, исчезая под воротником выцветшей черной футболки. Когда солнце било в лицо сквозь решетчатые фермы козлового крана, кожа вокруг рубца краснела быстрее, чем остальная плоть. Словно там все еще тлел уголь.

Олег поправил ляжку тяжелой сумки с инструментами на плече и сплюнул вязкую слюну на серый асфальт. Его смена начиналась через семь минут. Он работал старшим смены охраны северного сектора порта. Работа была идеальной для человека, который хотел стать невидимкой. Никакой ответственности за чужие судьбы, никаких приказов сверху, кроме инструкции о пропускном режиме. Восемь часов обхода территории, проверка пломб на сорокафутовых контейнерах и бесконечное наблюдение за тем, как огромные краны-журавли переносят стальные коробки с корабля на берег.

Тяжелые ботинки со стальной вставкой мерно впечатывались в лужи. Дождь закончился час назад, но небо оставалось низким, свинцовым, давящим на плечи многотонной плитой. Олег любил такую погоду. Она напоминала ему осень в учебке спецназа ГРУ, когда их выбрасывали в лес на трое суток без сна и еды. Тогда холодная морось тоже казалась спасением — она смывала пот и кровь с лица.

— Зной, опять ты своим видом ворон пугаешь? — раздался хриплый бас. Из двери караульного помещения вышел Михалыч — начальник службы безопасности всего порта. Грузный мужчина лет шестидесяти, бывший майор ППС, чья карьера закончилась вместе с Советским Союзом. У него было одутловатое лицо любителя дешевого коньяка и глаза старой дворняги, которая видела слишком много уличных драк, чтобы чему-то удивляться.

— Нормальный вид, — ровно ответил Олег, останавливаясь. — По уставу форма одежды номер три. Михалыч фыркнул, выпуская облачко пара, смешанного с запахом ментоловых сигарет. — Твой устав остался где-то в горах Кавказа, парень. Здесь тебе не плац. Слушай, тут вчера ночью ребята из логистического видели какую-то возню возле четвертого пирса. Говорят, рефрижератор вскрывали. Ты же вроде ту зону сегодня патрулируешь?

— Я всегда ее патрулирую, — кивнул Олег. — Если кто-то вскрыл замок болгаркой, я найду следы смазки или искры на бетоне. Если использовали гидравлику — останутся микротрещины на палубе. Но четвертый пирс чист. Я проверял периметр в ноль сорок.

— Вот поэтому ты мне и нравишься, Волков, — Михалыч тяжело похлопал его по плечу, чуть не сбив равновесие. — Глаз алмаз. Ни одна крыса мимо тебя не проскочит. Только это ты бы сходил куда-нибудь вечером. Сидишь дома один, как сыч. Телевизор небось смотришь черно-белый?

У Олега дернулся уголок рта. Это должно было быть улыбкой, но мышцы давно забыли, как правильно сокращаться.

— Мне хватает новостей, Михалыч. И книги.

— Книги! — закатил глаза начальник. — Тебе тридцать два года, а рассуждаешь, как библиотечарша на пенсии. Ладно, топай. Время пошло.

Олег молча козырнул двумя пальцами ко лбу и двинулся дальше. Разговоры утомляли его сильнее, чем десятикилометровый марш-бросок. Люди постоянно пытались заполнить тишину шумом, боясь остаться наедине со своими мыслями. Олег свою главную встречу с самим собой пережил уже давно. И победил в ней, оставшись единственным выжившим.

Маршрут патрулирования никогда не менялся. Северный сектор включал в себя старую часть причалов, где стояли суда-рефрижераторы, груженные замороженной рыбой и мясом, и несколько рядов пустых контейнеров, ожидающих погрузки. Олег шел вдоль линии железной дороги. Рельсы здесь были старыми, покрытыми бурым налетом окиси. Он сканировал пространство не глазами обычного охранника, которые смотрят прямо перед собой. Взгляд Зноя скользил периферийным зрением. Угол наклона тени от контейнера CSTU4501298 показывал, что тот стоит ровно так же, как стоял вчера. Цепь на люке зерновоза натянута равномерно — попыток подъема нет. Запах солянки в воздухе привычный, фоновый. Но вот легкий химический оттенок растворителя для снятия краски уловить сложнее. Олег остановился, втянул воздух носом. Нет, показалось. Просто ветер донес пары из малярного цеха. Он достал рацию:

— Первый, я Девятый. Северная ветка чистая. Начинаю обход складского блока Б-4.

— Принято, Девятый. Отбой, — прохрипел динамик голосом диспетчера.

Складской блок Б-4 представлял собой ангар из гофрированного железа размером с футбольное поле. Внутри царил полумрак, разрезаемый лишь редкими лучами света, пробивающимися сквозь щели в крыше. Воздух здесь был спертый, пахло озоном (от старых ламп дневного света) и сухой древесиной. Олег вошел внутрь. Эхо шагов гулко билось о металлические стены. Он двигался бесшумно, перенося вес тела с пятки на носок, используя технику передвижения разведгрупп. Каждый шаг контролировался. Левая нога вперед, перенос веса, правая нога подтягивается беззвучно. В дальнем углу ангара копошилась фигура. Местный грузчик, дядя Вася, прозванный рабочими «Клещ» за то, что умел присасываться к любой бутылке. Сейчас он пытался незаметно открутить крышку термоса, пряча его за штабелем деревянных паллет. — Василий, — голос Олега прозвучал негромко, но Клещ подпрыгнул на месте, едва не выронив железную кружку. — Инвентарь портишь. Паллеты сырые, гвозди поведет.

— Олег Сергеич! — фальшиво обрадовался мужик, торопливо пряча термос в ватник. — А я тут это обед планирую. Раньше графика!

— График обеда в двенадцать ноль-ноль, — напомнил Олег. — Еще двадцать минут. Выметайся отсюда, иди дыши свежим воздухом. Тут пыль столбом.

— Уже ухожу, командир, уже исчезаю! — залебезил Клещ, протискиваясь между стеллажами. Когда звук его шаркающих шагов затих, Олег подошел к паллетам. Провел пальцем по шляпке гвоздя. Сухая. Обманул старый пьяница, прятал водку совсем в другом месте. Впрочем, воровство досок волновало Олега меньше всего. Его внимание привлекла стена. Вернее, то, что находилось за ней. Ангар Б-4 примыкал вплотную к техническому отстойнику, куда загоняли старые, списанные контейнеры перед отправкой на металлолом. Стена была тонкой.

Олег приложил к ней ладонь. Металл вибрировал. Там, за стеной, работала техника. Но вибрации были странными. Ритмичными, глухими, похожими на работу мощного гидравлического насоса. Официально отстойник сегодня закрыт — шла плановая замена масла в подъемниках, электричества в секторе не было. Олег снял сумку с плеча. Расстегнув молнию, он вытащил не табельное оружие — старенький ПМ, выданный службой охраны, лежал в кобуре скорее для вида. Из сумки появился компактный тепловизор. Дорогая игрушка, купленная им на барахолке у отставного сапера. Он поднял прибор к глазам и посмотрел на стену. Тепло-

вой след выдавал присутствие трех человек за перегородкой. Двое стояли неподвижно, излучая ровное тепло тел. Третий пульсировал ярко-желтым — тяжелый физический труд. Они находились там около часа, судя по накопленному теплу бетона. Это не могли быть рабочие ЖЭКа. И уж точно не охрана — те используют другие частоты связи. Олег убрал тепловизор. Сердце забилося чуть чаще, но дыхание осталось глубоким и размеренным. Адреналин начал поступать в кровь тонкими, контролируемыми дозами. Рефлексы, спавшие годами, медленно просыпались. Он обошел ангар снаружи. Подошва ботинка наступила на осколок стекла. Олег замер, глядя вниз. Осколок был свежим, прозрачным, грани еще не успели покрыться серой портовой пылью. Кто-то разбил окно в бытовке технического персонала полчаса назад. Дальше — больше. На влажной земле отпечатался четкий протектор. Размер обуви — сорок пятый. Рисунок подошвы агрессивный, внедорожный. Такие носят либо рыбаки, либо наемники из частных военных компаний, которым нужно уверенно стоять на мокрой палубе судна. Обычные работяги ходят в дешевых китайских кедах или кирзовых сапогах. Олег присел на корточки, провел пальцем по краю следа. Земля была суховатой, значит, прошли недавно. Он поднялся и принялся. Кроме запаха рыбы и мазута, теперь явственно чувствовался другой аромат. Резкий, синтетический. Смазка для штурмовых ножей нового поколения. Рука сама легла на рукоять пистолета. Олег извлек ПМ, перевернул затвор. Звук клацнувшего металла в мертвой тишине порта прозвучал как выстрел. Он пошел на источник шума. Теперь он не скрывался. Шаги стали тяжелее, увереннее.

Он снова был не охранником Олегом Волковым, которому платят копейки за бессонницу. Он стал Зноем — капитаном группы специального назначения, чьи позывные вызывали холодный пот у боевиков в радиусе тысячи километров. Узкий проход между рядами списанных контейнеров заканчивался тупиком. Вернее, должен был заканчиваться. Олег увидел свежий срез. Верхний угол огромного морского контейнера марки "Reefer" был отрезан плазморезом. Срез светлел свежей сталью на фоне ржавчины. Контейнер выглядел инородно, словно хирург аккуратно вскрыл грудную клетку пациента. И оттуда лился свет. Яркий, белый, светодиодный. И слышались голоса. Спокойные, деловые. Никаких криков, никакой суеты ограбления. Четкие команды.

— Держи строп ровно по центру массы. Перекос даст вибрацию на датчиках.

— Понял. Майна помалу.

Олег прижался спиной к борту соседнего контейнера. Холод металла приятно остужал лопатки. Он закрыл глаза на секунду, собирая картинку. Судя по звуку двигателя лебедки, они работают кран-балкой изнутри самого отстойника. Значит, выход у них только один — через главные ворота сектора, которые сейчас заперты на электронный замок, код от которого есть только у Олега и Михалыча. Или через крышу, но вертолет сесть там не сможет из-за нависающих проводов ЛЭП. Они попали сюда официально. Через документы. Этот контейнер привезли сюда под видом брака, чтобы тихо вывезти содержимое. Что может быть настолько ценным, чтобы резать броневую сталь плазмой стоимостью в миллион рублей? Наркотики? Оружие? Украденные алмазы? Олег сделал шаг вперед. Затем еще один. Он не чувствовал страха. Страх — это привилегия тех, кому есть что терять. Семьи у Олега не было. Дома — съемная однушка с голыми стенами и матрасом на полу. Будущего — туманная перспектива дожить до сорока с циррозом печени от дешевой водки. Единственное, что у него осталось — это профессионализм. И он требовал вмешаться. Он вышел из-за угла.

Картина, представшая его глазам, заставила мозг на долю секунды зависнуть в попытке анализа. Это действительно был контейнер-рефрижератор. Но вместо испарителей и охлаждающих установок внутри была оборудована мобильная мастерская. Белые стены, яркое освещение, столы из нержавеющей стали.

А на этих столах... Олег сглотнул. Впервые за долгие годы ледяной комок настоящего, животного ужаса прокатился по пищеводу. На столах лежали люди. Или то, что от них осталось.

Мужские и женские торсы, конечности, головы. Все они были соединены паутиной прозрачных трубок, заполненных густой синей жидкостью. Сердечно-легочные аппараты искусственного жизнеобеспечения монотонно пищали, качая кровь. Кожа трупов имела странный восковой оттенок, но мониторы над каждой каталкой показывали стабильный ритм сердца.

Это не наркотики. Это даже не контрабанда органов. Это лаборатория по консервации. Людей держали в состоянии глубокой гипотермии и медикаментозной комы. — Стоять! — рявкнул мужской голос.

Из-за стойки с медицинским оборудованием вышел человек. В отличие от грузчиков в робах, на нем был дорогой тактический костюм черного цвета, подогнанный по фигуре. Лицо спокойное, европейское, чисто выбритое. В руках он держал не пистолет. Он держал немецкий пистолет-пулемет MP7, направленный Олегу точно в центр груди. За спиной этого человека маячили еще двое бойцов такого же типажа. Профессиональные солдаты удачи.

— Капитан Волков, — сказал человек с MP7. Голос у него был лишен эмоций, как у диктора новостной сводки. — Мы ждали вас раньше. Группа захвата доложила, что вы покинули квартиру в восемнадцать ноль-ноль. Непунктуально.

Мир Олега сузился до мушки вражеского автомата. Кровь зашумела в ушах. *Откуда они знают мое имя? Откуда они знают мой адрес? Как они вычислили маршрут патрулирования?*

— Вы ошиблись сектором, — ровным голосом произнес Олег, делая полшага в сторону, уходя с линии огня. — Территория порта является режимным объектом. Опустите оружие.

Человек усмехнулся. Искренне, почти дружелюбно.

— Режимным объектом территория станет через четыре минуты, когда взорвется трансформаторная будка на юге. Вся полиция города будет смотреть на зарево. А мы спокойно закончим погрузку товара. Он кивнул одному из своих. Тот нажал кнопку на гарнитуре наушника.

— Зеленый свет. Фаза два. В ту же секунду оглушительно взвывла сирена гражданской обороны. Красный свет аварийных ламп ударил по глазам, погружая белоснежную лабораторию в сюрреалистические багровые тона. — Последний шанс, капитан, — сказал человек с автоматом. — Нам нужен твой ключ доступа от северных ворот. Отдай его, и мы забудем, что ты нас видел. Старый солдат должен понимать ценность компромисса.

Олег медленно опустил руку. Его пальцы коснулись холодной рукоятки ПМ. Компромисс. Это слово вызвало у него приступ тошноты. Компромисс убил его отряд. Компромисс позволил генералам продать информацию врагу. Компромисс — это смерть растянутая во времени.

— Мой компромисс выглядит иначе, — сказал Олег.

Выстрел из Макарова в замкнутом пространстве металлического ангара звучит как удар кузнечного молота по рельсу. Оглушительный, разрывающий барабанные перепонки. Олег стрелял не в голову. Голову бронированный противогаз незнакомца мог выдержать. Он целился ниже. В область таза, туда, где крепятся бедренные артерии.

Пуля вошла в правую ногу боевика, отбросив его назад. MP7 громыхнул по стальному полу, выходя из рук. Второй боец открыл огонь на подавление. Очередь прошила воздух там, где секунду назад стояла голова Олега. Сам Волков уже ушел в перекат вправо, за массивный генератор.

Воздух наполнился запахом пороха, озона и крови. Монитор одного из медицинских аппаратов вспыхнул красным, издав истошный писк — случайная пуля перебила трубку подачи питательного раствора. Синяя жидкость начала заливать пол.

— Живым! Он мне нужен живым! — орал раненый командир, зажимая простреленную ногу. — Газ! Используйте газ!

Третий боец швырнул в сторону генератора цилиндрическую шашку. Та покатила по полу, оставляя сизый дымный след. Олег задержал дыхание. Он знал этот запах. Хлорацетофенон. Черемуха. Слезоточивый газ армейского образца. Против обычного человека — верная

нейтрализация. Против того, чей организм прошел курс химической защиты в лесах Подмосковья — лишь легкое раздражение слизистых.

Но дышать этим нельзя. Легкие сгорят от спазма.

Олег вырвал чеку из своей единственной гранаты. Светошумовая «Заря». Стандартный боекомплект любого спеца. Он не собирался никого ею убивать. Ему нужно было выиграть две секунды ослепляющего хаоса.

Граната полетела в центр лаборатории. — Контакт! — успел крикнуть кто-то из бойцов. Вспышка. Багровый свет аварийных ламп мгновенно превратился в абсолютную, всепоглощающую белизну. Даже сквозь плотно зажмуренные веки сетчатка зафиксировала удар. Следом пришел звук. Давящая волна, физически толкнувшая тело.

Олег прыгнул. Время замедлилось. Он видел каждую деталь: как медленно, невероятно медленно вращается в воздухе пустой шприц, выпавший из рук лаборанта. Как оседает на пол кирпичная крошка от удара взрывной волны. Как расширяются зрачки раненого командира, пытающегося проморгаться.

Приземлившись на стол, Олег оттолкнулся ногами. Стол опрокинулся, накрывая ближайшего бойца гору аппаратуры и синего желе. Олег приземлился на грудь упавшему человеку. Локоть жестко ударил в кадык. Хруст хрящей утонул в общем гуле сирены. Готов.

Разворот. Второй боец уже приходил в себя, поднимая автомат. Олег метнул нож. Не боевой клинок, обычный кухонный тесак, который он прихватил из каморки дяди Васи-Клещи. Тяжелая рукоятка врезалась прикладчику в ключицу. Боец взвыл, роняя оружие.

До выхода десять метров. До раненого командира — пять. Командир уже справился со вспышкой и наводил на Олега короткий обрез двенадцатого калибра, спрятанный в набедренной кобуре.

Олег схватил ближайший монитор жизнеобеспечения — металлический ящик весом килограммов в пятнадцать — и швырнул его. Прямо в трубки. Прямо в резервуары с синей кровью. Стекло лопнуло. Синее озеро растеклось по полу. Резкий, концентрированный запах аммиака и формалина ударил в нос.

Командир отвлекся на фонтанирующий шланг, идущий от его собственного аппарата. Именно в эту секунду Олег оказался рядом. Он не стал бить руками. Он использовал инерцию движения. Плечо вошло в грудь противника, как таран. Оба рухнули на пол, прокатившись по липкой жиже.

Олег оказался сверху. Пальцы сами нашли нужную точку на шее врага. Короткое нажатие на сонную артерию. Бой обрывается быстро, если знаешь анатомию.

Тишина. Только пронзительный визг пожарной сигнализации и отдаленный, нарастающий гул взрыва с южной части порта.

Олег сидел на груди поверженного солдата, тяжело дыша. Во рту стоял привкус меди. Костяшки пальцев были содраны в кровь. На щеке горел свежий порез — зацепило осколком пластика. Он перевел взгляд на свои руки. Они дрожали. Мелкая, противная дрожь истощения. «Я вернулся», — подумал он отстраненно. — «Один магазин, кухонный нож и гранатка. Десять секунд контакта. Три нейтрализованных цели».

Где-то вдалеке завывали полицейские сирены. Настоящие хозяева жизни спешили пожить на пепелище. Олег встал. Ноги были ватными. Он перешагнул через синий, застывающий на глазах кисель. Посмотрел на разрезанный контейнер. Кто эти люди? Чьи тела лежат там, подключенные к машинам? Почему они искали именно его?

Ответов не было. Был только факт. Его мирное кладбище, которое он называл жизнью, разорено. Могилы раскопаны. Демоны прошлого вылезли наружу, и они носили дорожную тактическую экипировку.

Олег подобрал свой ПМ, вытер его краем куртки убитого и сунул в карман. Свой ключ-карту от северных ворот он сжимал в кулаке так, что пластик захрустел. Он вышел из ангара

Б-4 прямо в объятия холодного сентябрьского дождя. Сирены ревели всё ближе. Красные и синие всполохи окрасили низкие облака.

Олег Волков глубоко вдохнул влажный воздух, пахнувший солью и гарью далекого пожара. Запах ржавчины и дизеля исчез. Остался только запах войны.

Глава 2. Старые долги.

Дождь усилился, превратившись из мелкой мороси в плотную стену воды. Олег стоял под навесом автобусной остановки на выезде из промышленной зоны. Полицейские сирены теперь выли где-то совсем рядом — десятки патрульных машин перекрыли главные магистрали порта. Город еще не знал, что произошло в ангаре Б-4, но периметр уже сжимался.

Олег смотрел на свои ладони. Под ногтями темнела запекшаяся чужая кровь, смешанная с синим химикатом из разбитых капельниц. Он разжал правый кулак. Кусок оплавленного пластика — его пропуск через северные ворота — лежал на мокрой скамейке. Олег щелкнул зажигалкой, купленной в ларьке у метро неделю назад. Дешевый пластиковый корпус съезжился от огня и потек черной слезой. Ворота заблокированы. Система охраны порта сейчас переведена в режим «Бастион». Выбраться можно только пешком, сквозь лабиринты заброшенных железнодорожных путей, которые местные называли «Ковчегом».

В кармане завибрировал дешевый кнопочный телефон. Номер был скрыт. Олег сбросил вызов. Через секунду вибрация повторилась. И снова. И снова. Десять секунд монотонной пытки. Он нажал кнопку приема, но ничего не сказал, прижимая трубку к уху так, чтобы микрофон ловил только шум дождя.

— Зной, — раздался голос. Хриплый, прокуренный, знакомый до зубной боли. Голос человека, который когда-то вытащил Олега из-под минометного обстрела, отдав ему свою аптечку. — Не молчи. Я знаю, что это ты. Датчики движения на южной стене отключились ровно на три минуты. Ровно столько, сколько нужно бывшему капитану Волкову, чтобы перемахнуть забор со стороны залива.

— Что тебе нужно, Седой? — спросил Олег. Горло саднило от остатков газа. — Мне нужно, чтобы ты перестал играть в призрака, — тяжело вздохнули на том конце. — Твоя конспирация трещит по швам. Те ребята в белом... они пришли за тобой. Они вскрыли базу данных кадрового резерва Минобороны. Ты там числишься как «погиб при исполнении», но биометрия пальцев не горит. А твои пальчики сегодня наследили по всему четвертому пирсу. — Если знаешь, где я, почему не сдашь? За мою голову должны были назначить неплохую цену после того дела в ущелье.

— Потому что половина этих денег моя, идиот, — рявкнул Седой. — Слушай внимательно. У тебя есть час. Потом порт оцепят внутренние войска. Доберись до точки randevu. Склад вторсырья на улице Кораблестроителей. Тот самый, где мы прятали стволы перед командировкой в две тысячи четырнадцатом. Жду один.

Связь оборвалась. Седой. Майор запаса Дмитрий Сергеевич Громов. Человек, которому Олег был обязан жизнью больше, чем собственной матери. Именно Громов оформил тогда документы о гибели группы, чтобы похоронная команда могла собрать куски тел без лишних вопросов журналистов. Но он же потом продал координаты их схрона с наличностью тем самым людям, ради которых группа шла на смерть. «Половина этих денег моя». Предательство всегда носит лицо старого друга.

Улица Кораблестроителей встретила его запахом гниющего дерева и жженных покрышек. Район старой верфи давно превратился в гетто для нелегальных мигрантов и мелких бандитов. Фонари здесь били через один, а те, что работали, заливали асфальт болезненным оранжевым светом.

Склад вторсырья выглядел точно так же, как пять лет назад: ржавые ангара, горы спрессованного металлолома высотой с трехэтажный дом и остов сгоревшего автобуса ПАЗ, служивший местным бомжам подобием крепости.

Олег вошел внутрь главного цеха, ступая по слою прессованной бумаги и пластиковых бутылок. Воздух пах пылью и сыростью. В дальнем углу, у паяльной лампы, согревающей руки

над консервной банкой, сидел силуэт. Седой постарел. Копна волос, давшая ему позывной, окончательно стала седой, плечи ссутулились под тяжестью кожаной куртки, а вокруг глаз залегли глубокие тени цвета асфальта. Рядом с ним на ящике стояла початая бутылка водки и два пластиковых стаканчика.

— Принес? — вместо приветствия спросил Олег.

Седой криво усмехнулся, обнажив металлические коронки слева.

— Обижаешь, командир. Как будто ты пришел бы сюда пустой.

Олег сделал шаг вперед. Свет от переносной лампы упал на его лицо, ярко высветив рваный шрам ожога. Седой невольно сглотнул, увидев выражение глаз бывшего подчиненного. Там не было злости. Там была пустота расчетливого хищника. — Где товар?

Громов кивком указал на гору старых автомобильных покрышек. — Там. Закопаны на глубине двух метров. Песок, брезент, цинк. Ни одна собака не возьмет. Двадцать единиц АК-74М, четыре Печенега, ящик ВОГов и твоя любимая игрушка — бесшумная винтовка ВСС. Всё чистое, номера перебиты кустарно, но работать будут вечно. Патроны бронебойные, семь шестьдесят два. На войну хватит. — Зачем мне война, Седой? — Олег подошел ближе. — Я просил одну единицу. Один ствол, чтобы закрыть вопрос. Зачем ты откопал весь арсенал роты? — Потому что одной пушкой ты не отделаешься, — Громов наконец поднялся, хрустнув коленями. Он подошел к горе покрышек и начал разгребать верхний слой. — Те парни, что жгли хлорку в порту Это не уличная шпана. Это частная военная компания «Легион». Западные деньги, славянские рожи. Работают грязно, прикрываются лицензией охранной фирмы номер один. Их база — бывший санаторий КГБ в Комарово. Три кольца охраны, тепловизоры, беспилотники.

Он извлек длинный сверток промасленной ткани. Положил его на бетонный пол и развернул. Внутри тускло блеснула сталь ВСС «Винторез» с интегрированным глушителем. Рядом легли спаренные магазины. — Ты хочешь, чтобы я взял штурмом санаторий? — Олег присел на корточки, проверяя ход затвора. Механика работала идеально, плавно. — Меня положат на внешнем периметре. Ради такого куша они подтянут спецназ ФСБ. — Тебя не положат, — Седой достал планшет, завернутый в целлофан. Включил экран.

— Потому что штурмовать надо не главный вход. И даже не подземный гараж. Смотри сюда.

На экране светилась схема вентиляции промышленного типа.

— Третий год санаторий стоит на реконструкции. Ставят новые системы очистки воздуха. Подрядчик подставной, фирма однодневка. Главный воздуховод проходит прямо над кабинетом управляющего. Толщина стали — миллиметр. Резаком пройдешь за минуту. Падай им прямо на стол во время вечернего совещания. Чистая работа.

Олег провел пальцем по схеме. Логично. Элегантно. Профессионально. План составлял кто-то, кто знает толк в точечных ликвидациих. — Откуда такая детализация, Дима? — тихо спросил Олег, не поднимая глаз от чертежа. — Кто заказчик?

Седой замялся. Потянулся за бутылкой, долго крутил пробку в пальцах, не открывая.

— Заказчик хочет тишины, — наконец выдал он. — Архитектор слишком много видел. Он строил финансовую империю этого города двадцать лет. Если он заговорит на суде... — Назови имя, — отрезал Олег. Винтовка в его руках внезапно показалась тяжелой, как могильная плита. Громов посмотрел на него мутным, пьяным взглядом, в котором плескался страх. Страх мелкого зверя перед волкодавом, которого он сам спустил с цепи.

— Его зовут Игнат Валерьевич Кречет. Нынешний вице-губернатор. Но это лирика. Главное — бабки. Порт — это миллиарды транзита. Кречет сливает активы Архитектора своим московским друзьям. Ему нужен мертвый свидетель. Тебе нужна информация о семье. Мы нужны друг другу, Зной. Это просто бизнес. Никакого предательства. Просто новая сделка.

Мир Олега покачнулся. Не физически — годами тренировок он умел держать равновесие в любой трясине. Покачнулась реальность. Игнат Кречет. Генерал-майор ГРУ в отставке. Человек, который подписывал приказы о внедрении их группы в тыл врага. Человек, чей сын учился в Лондоне, пока Олег хоронил своих парней в чеченских горах. Предательство никогда не приходит снизу. Оно всегда спускается сверху, звеня генеральскими звездами на погонах.

— Информация о семье, — медленно повторил Олег. Каждое слово падало свинцом. — Ты обещал дать след месяц назад. После того дела с банком. Ты сказал, что выйдешь на людей, которые знают, куда увозят должников.

— Я работаю! — огрызнулся Седой, отступая на шаг. — Рынок изменился, Зной! Сейчас людей не возят в багажниках. Сейчас их растворяют в кислоте или продают на органы черным трансплантологам. Мои информаторы боятся дышать!

— Мой сын боялся спать без света, — голос Олега стал мертвенно ровным. — Моя жена варила борщ по воскресеньям. Ты использовал память о них, чтобы я вынес инкассаторскую машину. Теперь ты используешь их снова, чтобы я убил генерала. Сколько весит твой долг передо мной, Дима? Во сколько килограммов тротила ты оцениваешь спасенную жизнь капитана Волкова? Седой побледнел. Металлические коронки отчетливо выделялись на сером лице.

— Осторожнее, парень, — прошипел он. — Я могу сделать так, что ты вообще никогда не узнаешь, где закопали их кости. Я единственный мост между тобой и этим городом. Без моих схем ты слепой щенок, которого раздавит первая же полицейская машина.

Олег медленно встал. ВСС осталась лежать на полу. Он сделал шаг к Громову. Сокращая дистанцию до интимной, до опасной. — Ты прав, — сказал Олег. — Ты единственный мост. Поэтому ты не умрешь сегодня. Рука Олега метнулась быстрее, чем мысль. Пальцы сомкнулись на горле майора. Не ударили, именно сомкнулись — стальными тисками пережимая сонные артерии. Седой захрипел, пытаясь оторвать руку Олега, но силы были несопоставимы. Ноги подогнулись. Олег держал его, пока тело не перестало дергаться в конвульсиях, перейдя в состояние глубокого обморока. Аккуратно, почти бережно, он опустил тяжелое тело на кучу ветоши. Проверил пульс. Жив. Будет болеть голова, будет тошнота, но переломов трахеи нет. — Спи, — прошептал Олег в заросшее щетиной ухо. — Когда ты проснешься, меня уже не будет. И твоего долга тоже. Мы квиты. Прощаю.

Оставалось сорок минут до полного перекрытия района. Олег действовал механически, экономя каждое движение. Он не думал о Кречете, не думал о сыне. Чувства выжигали кислород, необходимый мышцам. Сейчас существовали только вводные данные.

Арсенал зарыт глубоко. Раскапывать всё — значит потратить час и испачкаться в земле, оставив ДНК-профиль. Оружие должно быть чистым. Олег выбрал только то, что поместится в спортивную сумку-бананку.

1. **ВСС «Винторез»**. Бесшумное убийство на дистанции до четырехсот метров. Идеально для работы в городе, если нужно исчезнуть без звука.

2. **Пистолет Glock 19** с резьбой для глушителя. Запасной вариант. Надежная механика.

3. **Четыре магазина** к винтовке (три по двадцать патронов СП-5, один бронебойный СП-6).

4. **Нож**. Обычный нож разведчика НР-43 «Вишня», старый, с наборной рукоятью из карболита. Для ближнего боя, где автомат бесполезен.

5. **Тротиловая шашка (200 грамм)** и радиоуправляемый детонатор. На случай, если план Седого с вентиляцией окажется ловушкой, и выход придется делать через стену.

Сумка получилась тяжелой, оттягивала плечо, но не мешала бегу. Олег забросил ремень на шею, перекрестив грудь. Так распределяется вес, позволяя грудной клетке свободно дышать при спринте.

Перед выходом он подошел к планшету Седого. Экран всё еще светился картой санатория. Олег достал свой собственный смартфон — старую защищенную модель, которой не

пользовался с момента мнимой смерти. Вставил сим-карту, купленную вчера у вокзального барыги по паспорту давно умершего алкоголика.

Он сфотографировал схему вентиляции. Затем открыл приложение карт. Маршрут от улицы Кораблестроителей до Комарово занимал сорок минут на машине. Общественный транспорт туда не ходит. Значит, нужен угон.

Олег вышел из склада. Дождь немного ослаб, сменившись густым туманом, поднимающимся от земли. Видимость упала до десяти метров. Идеальная погода для невидимки.

Район жил своей ночной жизнью. Из открытого окна панельной пятиэтажки орал шансон. Две темные фигуры делили пакет с порошком у трансформаторной будки. Олег шел мимо них, сливаясь с тенями. Его походка изменилась — теперь он двигался мягко, наступая на внешний край стопы, гася звук шагов. Старая привычка возвращалась вместе с весом оружия за спиной.

Спальный район закончился пустырем. Впереди пролежала федеральная трасса, освещенная яркими диодными фонарями. Там дежурит ДПС. Каждая проезжающая машина фиксируется камерами. Идти по трассе нельзя.

Олег свернул в лесополосу. Мокрые ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду. Здесь, среди черных деревьев и запаха прелой листвы, он чувствовал себя дома. Лес не предавал. Деревьям не нужны были деньги Кречета, им не нужны были жизни заложников. Лес принимал его таким, какой он есть — механизмом для причинения смерти.

Через пятнадцать минут бега трусцой он услышал впереди шум дороги. Но это была не федеральная трасса, а старая технологическая дорога, ведущая к заброшенным песчаным карьерам. Машин здесь почти не было.

И удача — редкая, почти издевательская гостя в его новой жизни — улыбнулась ему. У съезда на карьеры стоял фургон службы доставки еды. Водитель курил, прислонившись к капоту, и лениво листал ленту новостей в телефоне. Желтая ливрея компании «Горячая миля» светилась в темноте. Ключи торчали в замке зажигания. Классическая халатность уставшего работника, считающего копейки до зарплаты.

Олег замер в кустах. Оценка угрозы. Водитель один. Телефона второй рукой не касается. До него десять метров открытого пространства. Решение принято за долю секунды.

Выход из тени. Шаг. Еще шаг. Водитель поднял глаза лишь тогда, когда тень накрыла экран его смартфона. Он не успел испугаться. Кулак Олега — костяшки, обмотанные изолентой поверх перчатки — врезался ему в точку под ухом. Короткий, экономный удар, парализующий блуждающий нерв.

Парень осел на асфальт беззвучно, как сдувшийся шарик. Олег подхватил его, не давая голове удариться о гравий. Опустил на землю, снял с пояса ключи. Проверил салон фургона. Пахнет пиццей, луком и дешевым освежителем воздуха. На пассажирском сиденье валяются пакеты с недоеденными роллами.

Олег сел за руль. Двигатель завелся с пол-оборота. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. На него смотрело чужое, осунувшееся лицо с глубокими морщинами у рта и жутким багровым шрамом на левой скуле. Глаза на этом лице казались абсолютно черными провалами.

— Ешь свой ужин, — сказал Олег отражению. — Завтра у всего города пропадет аппетит.

Фурган резко, со скрипом шин, вывернул на дорогу и понесся в сторону трассы, ведущей прочь от города, к элитному поселку Комарово.

Дорога заняла тридцать минут. Олег вел машину агрессивно, но чисто. Никаких превышений скорости, никаких резких перестроений. Камеры любят психов, но игнорируют тех, кто едет уверенно и по правилам. Только однажды он позволил себе нажать на газ сильнее — когда увидел в зеркале дальнего вида вспышки красно-синих маячков. Колонна полицейских машин пролетела мимо в сторону порта, оглушая сиренами. Время утечки информации закончилось. Началось время охоты.

Поселок Комарово встретил его закрытыми шлагбаумами и охраной, которая знала все машины местных жителей в лицо. Олег оставил фургон в тупике, за строительным рынком, предварительно протерев руль, ручку двери и ключи спиртом салфетками из аптечки водителя. Он переоделся. Спортивная сумка полетела в кусты — привлекать внимание человека с рюкзаком ночью в лесу безопаснее, чем мужика в потертой куртке с длинным кофром.

До внешнего периметра санатория оставалось два километра хвойного леса. Олег надел прибор ночного видения. Мир окрасился в тошнотворный ядовито-зеленый цвет. Листва превратилась в геометрические узоры, тени стали глубже.

Он шел два часа. Обошел минные растяжки с датчиками объема — старые, советские, установленные еще при прежних владельцах. Переполз открытое пространство поляны, используя складки местности. Его тело помнило эту работу лучше, чем таблицу умножения. Каждый вдох, каждый поворот головы, каждая проверка сектора — всё выполнялось на уровне рефлексов спинного мозга.

Внешняя стена санатория возвышалась черной громадой. Три метра бетона, увенчанных кольцами «Егозы». Проекторы били секторами, пересекаясь в шахматном порядке. Но проектор слеп, если смотреть на него сверху.

Олег подпрыгнул, хватаясь за выступ водосточной трубы. Мышцы спины взвыли от нагрузки, но выдержали. Подтянулся. Ботинки с мягкой подошвой нашли опору на крошечных неровностях кирпича. Подъем занял три минуты. Абсолютная тишина, прерываемая только гулом ветра в верхушках сосен.

Наверху он залег на гребне стены, распластавшись, как жаба. Достал цифровой сканер частот. Охрана внизу переговаривалась по зашифрованным каналам.

«Второй пост — норма. Тепловизор показывает кошку на крыше пищеблока...»

«Западный сектор — чисто...»

Они расслабились. Богатые клиенты, дорогая техника. Они забыли, что враг может прийти не снизу, откуда ждут собак и подкопов. Он может упасть с неба. Или спуститься с крыши.

Олег определил местоположение центрального узла связи — небольшой кирпичной будки у главных ворот. Именно оттуда идет сигнал на камеры. Он достал из внутреннего кармана куртки маленький дрон размером с ладонь. Сборка заняла двадцать секунд. Установил модуль подавления GPS и Wi-Fi. Взлет. Тихое, едва различимое жужжание электромоторов.

Черная точка поднялась над стеной и нырнула вниз, во внутренний двор. Прямая трансляция пошла на линзы очков Олега. Вот она — камера видеонаблюдения №4. Вот кабель питания, идущий в короб под землей. Олег переключил частоту дрона. Щелчок реле. Вспышка короткого замыкания. Экран погас. Одна шестнадцатая часть территории погрузилась во тьму. Ровно на двадцать секунд — пока резервный генератор не перебросит питание.

Этого времени хватило. Олег скользнул вниз по дренажной трубе, приземлившись на мягкую клумбу с розами. Нос уловил запах дорогих французских духов, которыми наверняка опрыскивал эти кусты садовник. Запах роскоши, построенной на крови таких, как семья Олега.

Он прижался к стене административного корпуса. Окна третьего этажа светились приглушенным голубоватым светом. Совещание. Седой не соврал. Олег достал вакуумные присоски. Прикрепил их к стеклу второго этажа — ниже уровня обзора камер внутри. Выдавил алмазным резцом идеальный круг. Бесшумно вынул стекло и поставил его на подоконник изнутри.

Проникновение. Коридор устлан мягким ковровым покрытием. Ни звука. Лестница. Наверх. Воздуховод проходил прямо над фальш-потолком туалета мужского крыла. Олег выдавил плитку потолка, подтянулся и оказался в тесном металлическом коробе.

Ползти пришлось на животе, толкая сумку с оружием перед собой. Пыль забивала ноздри. Над головой гудели лопасти мощных турбин. Согласно схеме Седого, главная развязка труб находилась точно над конференц-залом.

Олег достал миниатюрную камеру-эндоскоп. Просунул ее через решетку диффузора. Картинка на очках заставила его на мгновение замереть. Там, внизу, за овальным столом из красного дерева, действительно сидел Игнат Кречет. Постаревший, погрузневший, но всё такой же холеный. Он пил коньяк и смеялся шутке какого-то мужчины в дорогом костюме. Рядом с ним стояли двое личных телохранителей. Профи. Сектора контроля распределены грамотно. Но они смотрели по сторонам и на дверь. Никто не смотрел вверх. Никто не ждал гостя из вытяжки.

Олег отсоединил секции воздуховода. Стальные защелки поддались с легким металлическим лязгом. Он закрепил трос-фрикцион карабином за ребро жесткости трубы. Проверил «Винторез». Магазин вставлен. Пальцы легли на рукоять. Он заглянул в бездну. Десять метров высоты. Кречет поднял бокал, произнося тост: — за очищение активов! Пусть прошлое остается в прошлом! Олег перевел предохранитель в положение «авт». Сделал глубокий вдох. Задержал дыхание, выравнивая пульс. Сердце билось ровно — 60 ударов в минуту. Идеальное состояние стрелка.

Он прыгнул вниз, ногами выбивая остатки вентиляционной решетки.

Глава 3. Тень прошлого.

Падение заняло ровно две секунды.

Олег не падал камнем — это убило бы его при ударе о дорогой паркет конференц-зала. Он скользил вдоль троса, зажатого в специальном механизме спускового устройства. Стальной шнур со свистом разматывался, гася кинетическую энергию. Резиновые демпферы на подошвах ботинок коснулись пола беззвучно, как кошачьи лапы. В ушах еще стоял гул ветра из вентиляции, а легкие обжигало от нехватки кислорода после задержки дыхания.

Он оказался прямо над длинным столом для переговоров. Десять метров отделяли его от макушки Игната Кречета. Свет хрустальной люстры преломлялся в гранях бокалов с элитным коньяком, окрашивая лица сидящих внизу людей в теплые, почти домашние тона. Эта иллюзия уюта длилась доли секунды.

Первым среагировал не Кречет. Первым среагировал его начальник службы безопасности — бывший полковник ФСО по кличке «Сито», сухой, жилистый мужчина с лицом, похожим на выжженную пустыню. Профессиональный рефлекс сработал быстрее мысли: глаза Сито метнулись вверх, туда, где исчезла вентиляционная решетка и потянуло сквозняком. Рука уже тянулась под мышку, к кобуре скрытого ношения.

Время для Олега замедлилось. Мир сузился до туннеля, в конце которого была голова генерала. Звуки отдалились, превратившись в низкий, вибрирующий гул. Сердце сделало один тяжелый удар и замерло в паузе между систолой и диастолой. *Вдох. Выдох.* Олег вскинул винтовку ВСС. Интегрированный глушитель поглотил пороховые газы, выплюнув лишь короткую вспышку пламени, невидимую в ярком свете зала. Звук напоминал треск ломающейся сухой ветки — глухой хлопок, который мгновенно утонул в мягком ворсе ковра и массивных дубовых панелях стен.

Девятимиллиметровая пуля спецпатрона СП-5 вошла точно в правый глаз полковника Сито. Голова дернулась назад, брызги костной крошки и мозгового вещества веером осели на полированную столешницу. Полковник завалился набок, увлекая за собой бутылку коллекционного Hennessy. Темная жидкость растеклась по скатерти, смешиваясь с кровью. Зал взорвался криками. Охрана рванула оружие. Но Олег уже двигался. Трос натянулся, срабатывая как пружина. Оттолкнувшись от стола так, что дорогая фарфоровая посуда полетела на пол, Олег ушел в перекат вправо, уходя с линии огня второго телохранителя. Пули калибра девять миллиметров защекали по дереву там, где он только что находился, выбивая облачка декоративной штукатурки.

— Огонь на поражение! Живьем не брать! — голос Кречета сорвался на визгливый фальцет. Генерал пытался перевернуть тяжелое кресло, чтобы спрятаться за ним, но жир мешал ему двигаться быстро. Паника превращала боевого офицера старой закалки в напуганного обывателя.

Олег привстал на одно колено, используя опрокинутый стол как бруствер. Вторая цель. Телохранитель слева. Парень молод, тренирован, действует грамотно — уходит за колонну, берет сектор входа. Но вход далеко, а враг уже внутри. *Выдох.* Второй выстрел. Хлопок. Пуля пробивает колонну из итальянского мрамора, проходит сквозь плечо охранника и застревает в легких. Тот хрипит, роняя пистолет-пулемет, и сползает по позолоте, оставляя широкую красную полосу.

Третий противник успел открыть огонь вслепую, поливая свинцом пространство над столом. Осколки стекла посыпались дождем. Одна из пуль с визгом отрекошетилась от стальной ножки люстры и обожгла Олегу ухо — горячая искра боли, тут же смытая адреналином. Олег сменил позицию. Кувырок через спину, приклад «Винтореза» плотно впивается в плечо. Третий выстрел. Грудь последнего телохранителя раскрывается красным цветком. Бесшумное ору-

жие делало смерть эстетичной и тихой — люди просто падали, словно марионетки, которым обрезали нити.

В зале воцарилась звенящая тишина, прерываемая лишь шипением упавшей на ковер свечи и бульканьем крови в перерезанном горле одного из гостей — случайной жертвой перекрестного огня. Кречет сидел на полу, прижавшись спиной к своему креслу. Его дорогие брюки были залиты чужой кровью и коньяком. По седым вискам тек пот. Губы тряслись.

— Ты ты труп, Волков, — просипел он. — Мертвый человек. У меня вся полиция города Олег шагнул вперед. Винтовка смотрела генералу точно в переносицу. Палец лег на спусковой крючок. Давление было минимальным — два килограмма чистого усилия, выверенного годами тренировок. Достаточно легкого движения фаланги.

И вдруг запах изменился. За запахом пороха, озона и дорогого парфюма прорезался другой аромат. Едва уловимый, забытый, но намертво впечатанный в подкорку мозга. Запах больницы палаты, хлорки и дешевого яблочного пюре. Так пахло в палате сына за день до того, как всё рухнуло.

Рука дрогнула. Не от страха — от сбоя системы. Рефлекс убийцы столкнулся с памятью отца. Миллисекундная задержка.

Этого хватило, чтобы мир снова взорвался шумом. Но теперь звук шел не изнутри.

Двери конференц-зала слетели с петель под ударом гидравлического тарана. Вспышки слепящих фонарей резанули по глазам. — *«Альфа»! На пол! Работает Федеральная Служба Безопасности!* Это был не патруль порта. Это были волкодавы. Черные штурмовые шлемы, тяжелые бронепластины класса «Гранит», автоматы АШ-12. Они вошли профессионально, разбившись на пары, беря комнату в клещи. Никакой суеты. Только холодный расчет государственной машины уничтожения.

Олег понял, что попал в ловушку Седого. Двойное дно. План побега через вентиляцию наверняка заканчивался тупиком или сеткой-ловушкой, а Громов просто выигрывал время, пока сюда стягивали элиту контртеррора. Бежать через окна нельзя — они забраны титановыми жалюзи с улицы. Выход только один — тот, через который он вошел. Потолок.

— Держать периметр! Никому не двигаться! — орал командир группы захвата, водя стволом своего монструозного автомата. Его луч света остановился на фигуре Олега. Заложив руки за голову, медленно, демонстрируя отсутствие агрессии, Олег начал опускаться на колени. Бойцы «Альфы» напряглись, палец командира выбрал свободный ход спуска.

— Я безоружен, — громко и четко сказал Олег, выполняя команду «руки за затылок». Но вместо того, чтобы опуститься на колени полностью, он резко бросил тело влево, переворачивая массивный дубовый стол. Пули АШ-12 прошли дерево, как картон. Одна зацепила предплечье — тупой, рвущий удар, лишаящий руку чувствительности.

Олег прыгнул. Не к двери. Вверх. Удар ногой в лепнину на стене, толчок, перехват руками потолочной балки. Перекладина затрещала под весом тела в снаряжении, но выдержала. Он подтянулся, ногами выбивая остатки декоративного гипса. Потолок здесь был подвесным, скрывающим старые коммуникации санатория. Узкий технический лаз. Темнота. Пыль. Асбест.

Позади слышался топот тяжелых ботинок. Командир альфовцев кричал в рацию:

— Объект ушел в перекрытия! Второй этаж, северное крыло! Газ! Применяйте «Черемуху»!

Лаз был узким. Плечи Олега едва проходили между трубами отопления и кабелями высокого напряжения. Каждый метр давался с боем, локти и колени скользили по металлической стружке. Позади, снизу, глухо бухнули разрывы светозумовых гранат. Штурмовая группа пошла напролом, уничтожая интерьер стоимостью в миллионы долларов.

Олег полз, ориентируясь по памяти. Карта Седого отпечаталась на внутренней стороне век. Три метра прямо, поворот налево, обход воздуховода кондиционирования. Там должна быть сервисная панель, ведущая в шахту старого лифта.

Панель нашлась. Закреплена на саморезах. Олег вырвал ее голыми руками, сдирая кожу с костяшек. Металл оглушительно загрохотал по кафелю туалетной комнаты этажа ниже. Он спустился в кабинку. Замок сломан одним ударом приклада. Коридор пуст. Гостиничные номера премиум-класса зияют черными провалами дверей. Где-то внизу, в главном холле, нарастал вой сирен. Городская управа наконец осознала, что санаторий перестал быть неприступной крепостью. Теперь периметр будут закрывать внутренние войска. Времени осталось минут десять. Потом район накроют куполом радиоэлектронной борьбы, и ни одна связь, кроме правительственной, работать не будет.

Олег бежал по коридору, зажимая рану на руке. Кровь оставляла темный пунктир на бежевом ковровине. Боль пульсировала в такт шагам, но она была полезной — отрезвляла, не давая погрузиться в шоковое состояние. Он выскочил на пожарную лестницу. Старая, сваренная из ржавых прутьев конструкция дрожала под ногами. Внизу мельтешили синие всполохи. Олег посмотрел вверх. Крыша. Если подняться на технический этаж, можно выйти на кровлю главного корпуса, оттуда перебраться на хозяйственный блок и спуститься по водостоку в лесопарковую зону.

Ступеньки скрипели. Легкие горели огнем — фильтры «Винтореза» остались внизу, дышать строительной пылью и остатками газа становилось все труднее. Перед глазами начали плясать черные точки гипоксии.

На площадке четвертого этажа дверь внезапно распахнулась. Из нее вышел человек в синем комбинезоне технической службы. Обычный слесарь-сантехник с ящиком инструментов. Средних лет, уставшее лицо, залысины. Их взгляды встретились. Случайный свидетель. Лишний элемент уравнения. Для обычного грабителя это означало бы убийство. Оставлять свидетеля — глупость. Олег видел, как расширяются зрачки мужика, как открывается рот для крика. Время снова замедлилось. Мозг проанализировал угрозу за миллисекунды: расстояние три метра, объект без оружия, правая рука движется к поясу (за разводным ключом), левая начинает движение ко рту (для крика). Нейронные цепи дали команду на нейтрализацию. Указательный палец правой руки, висящей вдоль тела, рефлекторно сократился, имитируя нажатие на спуск отсутствующего пистолета. Мышечная память требовала убить.

Но Олег перехватил импульс. Он сделал то, чего не делал пять лет. Вместо удара ножом или перелома шеи, он просто схватил сантехника за воротник комбинезона, втянул внутрь технического помещения и захлопнул дверь. Мужчина икнул от ужаса, почувствовав железную хватку на плече. — Тихо, — выдохнул Олег ему в лицо. — Сидеть здесь. Пока не скажу. Понял?

Он встряхнул его, приводя в чувство. Взгляд сантехника стал чуть более осмысленным. Он часто закивал, клацая зубами.

Олег оставил его в темноте среди вентиляй и задвижек. Человечность стояла ему пяти секунд времени и литра крови, продолжающей сочиться из простреленного плеча.

Крыша встретила его ледяным ветром. Дождь здесь бил горизонтально, норовя сбросить вниз одинокую фигуру. Олег прополз по мокрому рубероиду к краю. До земли — двадцать метров. До соседнего здания — четыре метра пустоты. Хозяйственный блок стоял вплотную, но щель между крышами казалась пропастью. Олег достал пистолет Glock. Размотал нейлоновый шнур, закрепленный на поясе. Привязал его к тяжелой рукоятке пистолета. Прицелился. Выстрел. Звук хлопка отразился от стен соседних зданий. Рукоять обмотанной изолентой пластиковой петлей обвилась вокруг чугунной антенны на крыше блока.

Проверка натяжения. Держит. Олег прицепил карабин шнура к своей разгрузке. Глубокий вдох. Горячая кровь стекала по ребрам, пропитывая подклад куртки. Он побежал к краю. Толчок. Полеты всегда пугали его больше всего. Даже когда их выбрасывали из ИЛ-76 с пара-

шютами, там была система спасения. Здесь была только физика и гниющая веревка. Он пролетел разделяющее пространство, ударился бедром о край крыши блока, перевалился через парапет, сдирая кожу с живота об острый бетон. Шнур натянулся, бросая его обратно к краю, но амортизатор смягчил рывок. Олег упал на живот, тяжело дыша. Отсюда начинался старый парк. Деревья стояли плотной стеной, скрывая беглеца от тепловизоров вертолетов, которые уже наверняка прогревали турбины на базе Росгвардии.

Спуск по трубе водостока занял меньше минуты. Труба оборвалась на уровне третьего этажа. Олег повис на руках. Высота прыжка — около шести метров. Мягкая земля клумбы приняла его, но лодыжку пронзила острая боль. Подворот. Не перелом, но бежать марафон не получится.

Он доковылял до кромки деревьев и рухнул в кусты орешника. Здесь, под защитой влажной листвы, Олег позволил себе минуту слабости. Он лежал на спине, глядя на серые клочья облаков, несущиеся мимо луны. Плечо онемело. Нога пульсировала болью. Во рту стоял медный привкус собственной крови — прокусил губу при приземлении.

Они знали, кто он. Игнат Кречет назвал его по имени. Значит, легенда о погибшем капитане Волкове рассыпалась в прах. Кто-то слил базу данных. Кто-то очень высокоуровневый решил достать скелет из шкафа. Зачем? Чтобы подставить Кречета? Или чтобы окончательно похоронить прошлое, убедившись, что призрак мертв физически? В кармане завибрировал телефон. Тот самый, одноразовый. Олег медленно, стараясь не тревожить раненую руку, вытащил аппарат. Экран высветил неизвестный номер. Он нажал кнопку приема. — Капитан, — раздался голос. Спокойный, глубокий, с бархатными нотками. Голос человека, привыкшего отдавать приказы, которым подчиняются беспрекословно. — Впечатляющая работа. Перебить охрану генерала силами одного ствола... Жаль, мальчишку пришлось отдать ФСБ. Впрочем, федералы сейчас работают грубо. Они ничего тебе не сделают. Им нужен Кречет, а не бродячий пес вроде тебя.

— Кто это? — прохрипел Олег. Сухожилия на шее натянулись струной.

— Меня зовут Барон. Я представляю интересы людей, которые стоят выше вице-губернаторов. Мы те, кто заказал Архитектора. И мы те, кто спас твою жизнь сегодня, направив группу «Альфа» именно в ту секунду, когда твоя рука дрогнула. Оледенение. Холод пошел по позвоночнику, вытесняя жар лихорадки. Барон знал про руку. Он смотрел прямую трансляцию штурма. Камеры видеонаблюдения в конференц-зале передавали сигнал не только на пульт охраны Кречета.

— Что вам нужно? — спросил Олег.

— Нам нужна услуга, — мягко ответил Барон. — Та самая, ради которой ты полез в порт. Информация о твоей семье. Она жива, капитан. Мальчик растет. Ему недавно исполнилось восемь. Очень способный ребенок. Похож на мать. Земля ушла из-под ног, хотя Олег лежал на твердой почве. Воздух превратился в стекло. Восемь лет. Сыну должно было быть семь. День рождения прошел месяц назад.

— Вы лжете, — выдавил Олег. — Если бы они были живы, вы бы использовали их раньше.

— Раньше у нас не было рычагов давления на тебя, — усмехнулся собеседник. — Зачем нам живой заложник, если мертвый герой работает эффективнее? Но ситуация изменилась. Архитектор перед смертью передал ключи от своих офшоров доверенному лицу. Лицо требует гарантий безопасности. Этому лицу принадлежит информация о местонахождении твоей жены и сына. — Где они?

— В Черногории. Под другими именами. Хороший климат, море. Проблема в том, что новый владелец информации недоволен сменой власти в городе. Он хочет долю от транзита. Мы хотим убрать его чисто. — Имя.

— Левонтин. Завтра в полночь он будет на яхте «Цербер» в нейтральных водах. Встреча с покупателями краденого антиквариата. Тебе нужно сделать так, чтобы встреча сорвалась, а товар остался на дне. Вместе с Левонтином. Координаты я скину. Как только дело будет сделано — получишь адрес в Будве и видеопослание от семьи. Обратный билет в нормальную жизнь, Олег. Разве не этого ты хочешь?

Нормальная жизнь. Матрас на полу. Работа охранником. Молоко по утрам. Всё это зависело от одного нажатия на спусковой крючок. Снова. Вечный круговорот крови.

— Почему я должен тебе верить? — спросил Олег, чувствуя, как дождь смывает грязь с его лица.— Потому что у тебя нет выбора, — ласково произнес Барон. — И потому что я знаю твой тайник. Тот, что в могиле лабрадора Рекса на старом кладбище в Купчино. Помнишь, как он любил апортировать палку? Девочка-кинолог плакала, когда хоронила его. Кстати, твои родители здоровы. Мы присматриваем за ними, чтобы пенсионный фонд случайно не ошибся с выплатами. Доброй ночи, капитан. Не простудись на травке.

Связь оборвалась. Олег сел, прислонившись спиной к сырому стволу дуба. Ливень промочил его насквозь, холод пробирал до костей, но он не чувствовал холода. Внутри разгорался другой огонь. Огонь абсолютной ясности.

Его не отпустят. Никогда. Сколько бы голов он ни принес. Барон держал его за горло так же крепко, как когда-то Кречет держал поводок отряда. Разница лишь в том, что Кречет посылал его умирать за страну, а Барон собирался использовать его как нож для чистки рыбы в корпоративных интригах. Семья живы. Мысль была молотом. Восемь лет. Пропущенные дни рождения, разбитые коленки, первый класс школы — всё украдено. Украдено теми, кто сейчас сидит в теплых кабинетах и пьет коньяк. Олег поднял левую, здоровую руку. Посмотрел на ладонь. Затем сжал ее в кулак. Костяшки побелели. Боль в плече и ноге стала далекой, неважной. Просто фоновый шум.

План Седого привел его в западню ФСБ. Заказ Архитектора привел его к попытке самоубийственного штурма. Но этот звонок изменил правила игры. Теперь это не месть. Это война на уничтожение.

Он стер с экрана телефона отпечатки пальцев перчаткой и глубоко засунул аппарат в ил под корнями дерева. Устройство связи разрядится в воде через час. Больше никаких звонков. Никаких посредников.

Олег встал. Оперся на ствол ружья, как на посох. Прихрамывая, он двинулся в самую густую тень леса, прочь от санатория, прочь от города. Тень прошлого догнала его. Но впервые за долгие годы эта тень дала ему направление. Впереди была долгая ночь, полная боли и расчетов. Нужно было обработать раны, найти антибиотики и выяснить всё возможное о владельце яхты «Цербер». А главное — нужно было вспомнить, каково это — иметь надежду. Горькую, ядовитую, смертоносную надежду, которая заставляет жить дальше даже тогда, когда хочется лечь и никогда не вставать.

Глава 4. Визит вежливости.

Утро в порту всегда начинается с крика чаек и запаха мазута, но сегодня над северным сектором висел тяжелый, удушливый смрад гари. Олег стоял на крыше заброшенного элеватора, превратившегося за последние годы в пристанище для бездомных и место сбора местной шпаны. Отсюда, с высоты птичьего полета, территория порта напоминала вскрытую грудную клетку гигантского зверя: переплетения рельсов казались артериями, а ряды разноцветных контейнеров — ребрами.

Внизу, прямо под ним, догорал ангар Б-4. Пожарные расчеты МЧС тянули рукава, заливая дымящиеся руины белой химической пеной. Полиция оцепила район желтой лентой, но работали лениво — портовая стража не любила лезть глубоко в дела логистических гигантов. Для них это был просто «несчастный случай на производстве» или разборки между подрядчиками. Никто еще не знал, что внутри выгоревшего дотла медицинского модуля нашли три обугленных тела, которые по отпечаткам пальцев уже завтра свяжут с частной военной компанией «Легион».

Олег потерял воспаленное плечо. Рана от пули альфовцев оказалась чистой — калибр АШ-12 прошел навывлет, раздробив лишь мягкие ткани, не задев кость. Вчера ночью он сам извлек свинцовую рубашку осколком зеркала из сортира на автозаправке, промыв рану паленой водкой. Боль была острой, пульсирующей, но она держала его в тонусе, не давая провалиться в спасительное забытие после звонка Барона.

Он спустился вниз по пожарной лестнице. Нога все еще плохо слушалась — растяжение связок требовало покоя, которого у него не было. Каждый шаг отдавался прострелом до самого бедра. Город встретил его равнодушием миллионов людей, спешащих по своим делам. Олег растворился в толпе, сменив грязную куртку на такую же неприметную, купленную в круглосуточном секонд-хенде на окраине. Он двигался к центру, туда, где бетонные коробки спальных районов сменялись сталинским ампиром и зеркальным стеклом бизнес-центров. Его целью был офис компании «СеверСтройИнвест». На фасаде здания красовалась дорогая вывеска, занимающаяся недвижимостью, но любой человек со старыми связями знал: именно здесь сидел Седой, когда ему нужно было провернуть дело, не привлекая внимания своих кураторов из ФСБ.

Вестибюль охранялся людьми в строгих костюмах. Не наемники, а бывшие опера — их выдавали глаза, профессионально сканирующие каждого входящего. — Куда? — лениво бросил амбал на входе, даже не повернув головы.

— К Дмитрию Сергеевичу, — тихо сказал Олег. — Скажите, пришел Зной.

Охранник замер. Имя прозвучало как пароль. Спустя минуту Олега провели через черный ход, минуя металлоискатели, напрямик во внутренний двор-колодец, заставленный пустыми мусорными баками. Седой ждал его в старой «Газели» с тонированными стеклами. Машина выглядела убого — идеальный камуфляж для человека, который официально числился консультантом по безопасности мелкой фирмы-однодневки. Майор курил, стряхивая пепел в приоткрытое окно. Когда дверь открылась, он вздрогнул и едва не пролил кофе на брюки.

— Мать твою, Волков! — выдохнул Громов, оглядывая Олега с ног до головы. — Ты выглядишь как утопленник, которого неделю гоняли собаки. Лицо серое, глаз кровью налит. Я думал, тебя вчера упаковали лет на двадцать строгого. — Упаковали бы, если бы я пошел через главный вход, — Олег сел на пассажирское сиденье, поморщившись от боли в ноге. В тесной кабине пахло дешевым табаком, бензином и страхом. Страхом, который источал сам Седой. — У меня есть вопросы, Дима. И лимит моего терпения закончился вместе с патронами в том подвале.

Громов нервно дернул щекой. Его руки, лежащие на руле, мелко подрагивали.

— Вопросы у него... Да ты хоть понимаешь, во что влез?! Это не уличная банда, Зной! Кречет поднял на уши всё управление собственной безопасности ФСБ. Они шерстят агентуру. Меня чуть не взяли тепленьким утром в постели! Твой звонок оттуда, из санатория... они перехватили трафик. Если бы я не вырубил ретранслятор в квартале...

— Почему там была «Альфа»? — перебил его Олег. Голос звучал глухо, как из бочки. — План отхода вел в тупик. Ты подставил меня.

— Нет! — почти выкрикнул Седой, но тут же сбавил тон, воровато оглядываясь на окна офисов. — То есть да, но не так! План был чистым! Но Кречет параноик. Он поставил дублирующую систему охраны, о которой никто не знал. Мои люди в комендатуре сказали только сейчас: датчики давления под ковролином конференц-зала. Как только твоя нога коснулась пола, сигнал ушел напрямую дежурному генералу штаба округа. «Альфа» поднялась по учебной тревоге, которая случайно совпала с твоей диверсией. Это гребаное совпадение, Олег!

Олег смотрел на него долго, не мигая. Взгляд спецназовца перед тем, как нажать на спуск. Седой потел. По виску стекла капля едкого пота. — Совпадений не бывает, — наконец произнес Олег. — Бывает плохая разведка. Где информация, Дима? Барон звонил мне ночью. Сказал, что моя семья жива. Что сын растет. Восемь лет, Дима. Кто-то сливает мои данные людям, которые держат моих близких. И этот кто-то сидит очень близко ко мне.

Седой побледнел так, что веснушки на его лице стали черными. — Барон? Ты говорил с Бароном? Ты идиот! Этот человек — миф, призрак! Никто не знает, как он выглядит!

— Зато теперь он знает мой размер обуви, — отрезал Олег. — Он упомянул могилу моей собаки. Значит, копали глубоко. Настолько глубоко, что знают про тайник в Купчино. Кто нас сдал?

Громов закрыл лицо руками. Его плечи затряслись — то ли от рыданий, то ли от беззвучного смеха сумасшедшего. — Нас никто не сдавал, — просипел он сквозь пальцы. — Потому что мы никогда оттуда не уходили, Олег. Мы думали, что уволились. Думали, что списаны в утиль. Но такие, как мы... мы инвентарные номера государственной машины. Нас просто перевезли с одного склада на другой. — Говори яснее.

— Проект «Тень», — выплюнул Седой. — Забудь ГРУ, забудь армейскую разведку. После того дела в ущелье, когда ты якобы погиб, тобой заинтересовались другие люди. Контора поглубже. Те, кто решает проблемы государства методами, которые нельзя вносить в протокол. Частная инициатива патриотически настроенных меценатов. Нам дали легенды, нам дали деньги на первое время. Сказали: «Живите спокойно, вы заслужили». А потом начали приходить заказы. Архитектор был третьим. До него был банкир, решивший вывести стабилизационный фонд в офшоры. До него — губернатор, торговавший должностями. Мы — санитарная бригада, Зной. Карающий меч правосудия. Только вместо рукояти у этого меча — наши глотки.

Информационная бомба разорвалась в голове Олега с оглушительным треском. Вся мозаика последних пяти лет сложилась в чудовищную картину. Его мнимая смерть. Пенсия по потере кормильца, оформленная на несуществующую жену. Квартира, оплаченная анонимным благотворительным фондом. Даже тот факт, что патрульные обходили его стороной, когда он пил в дешевых барах — всё это было режиссурой. Его не оставили в покое. Ему выделили вольер.

— И кто хозяин псарни? — спросил Олег.

— Я не знаю, — искренне ответил Седой. В его глазах плескалось отчаяние загнанного зверя. — Честно, Олег. Я получаю инструкции через закрытые каналы связи. Сообщения самоуничтожаются. Деньги приходят на счета в оффшорах. Я такой же исполнитель, как и ты. Просто рангом повыше, поэтому меня пока не пускают в расход. Но после вчерашнего... Кречет объявил сезон охоты. Он думает, что это рейдерский захват его активов. Он пойдет по головам.

— Пусть идет, — равнодушно бросил Олег. — Мне нужен Левонтин. Барон хочет, чтобы я утопил его яхту. Зачем это заказчику?

— Левонтин — это кошелек старого режима, — пояснил Седой, немного успокаиваясь. — Через него шли откаты всей верхушке прежней администрации. Сейчас власть меняется. Новые игроки хотят забрать потоки себе. Барон — их инструмент чистки. Им не нужны деньги Левонтина, им нужно, чтобы Левонтин замолчал навсегда и забрал свои секреты на дно. А заодно они тестируют тебя. Насколько далеко ты зайдешь ради обещания увидеть сына.

— Тест провален, — холодно улыбнулся одними губами Олег. — Я не верю ни единому слову Барона. Но я заберу у него свою семью. Где встреча?

— Завтра. Полночь. Координат у меня нет, но есть канал входа. Тебе пришлют точку на старую кнопочную трубку. Сим-карту вставишь за час до выхода. Место передачи товара — нейтральные воды. Твоя задача простая: подняться на борт, убедиться, что сделка сорвана, и сделать так, чтобы Левонтин исчез. Никаких свидетелей. Барон будет наблюдать через спутник. Один неверный шаг, один лишний вздох кого-то из команды — и твой сын получит открытку с траурной каймой.

Разговор с Седым занял сорок минут. Оставшуюся часть дня Олег потратил на подготовку. Он чувствовал себя деталью огромного, ржавого механизма, которую снова поставили на конвейер. Но теперь он понимал механику процесса. Чтобы сломать машину, недостаточно бить по шестеренкам снаружи. Нужно понять, откуда подается ток.

Первым делом он избавился от слежки. Тот хвост, что прицепился к нему от офиса Седого, оказался любителем. Молодой парень в синей ветровке, явно из наружки районного угрозыска, которому поручили присмотреть за подозрительным типом. Олег завел его в строительный гипермаркет, запер в кабинке туалета, защелкнув наручники на трубе отопления, и оставил ключи от браслетов в кармане кассирши на выходе. Затем начался сбор ресурсов. Порт жил своей жизнью, и эта жизнь продавалась. За пятьдесят тысяч рублей, переведенных через терминал киви-кошелек на имя давно умершего таджика, Олег получил доступ к складу конфиската таможни. Там, среди задержанных партий контрабандных сигарет, он нашел две герметичные пластиковые капсулы. Идеально для перевозки электроники под водой.

У старого корейца-аптекаря, державшего лавочку без вывески в цокольном этаже хрущевки, он купил набор полевого медика: гемостатические губки, антидоты широкого спектра действия, антибиотики последнего поколения и несколько ампул сильного обезболивающего. Рука начала гореть огнем, температура поднималась — начиналось заражение. К вечеру он добрался до своего убежища — съемной квартиры-студии на последнем этаже дома с видом на железную дорогу. Хозяин считал, что сдает жилье программисту-фрилансеру, потому платил налоги исправно, а странный запах оружейной смазки и отсутствие мебели его не волновали — предоплата была внесена на год вперед наличными.

Олег разложил на полу кусок брезента. «Винторез» пришлось оставить. Бесшумная винтовка хороша для скрытных убийств, но на борту яхты в открытом море, где ветер меняет направление каждую секунду, а дистанции минимальны, она бесполезна. Нужна компактность, скорострельность и останавливающее действие.

Из-под паркета, который он вскрыл ломиком полчаса назад, появился сверток промасленной ткани. Glock 19 с уже накрученным толстым тактическим глушителем. Три магазина. И главное — нож. Это был не боевой кинжал и не туристический тесак. Это был кастомный шейный нож из порошковой стали D2, сделанный на заказ мастером из Ворсмы специально под анатомию ладони Олега. Черный матовый клинок длиной всего восемь сантиметров, серрейторная заточка на обухе, рукоять из микарты, не скользящая даже в крови. Оружие последнего шанса. Орудие хирурга, вырезающего опухоль.

Он начал собираться. Экипировка должна быть легкой. Мокрая одежда тянет на дно быстрее камней. Никакой плотной джинсы. Только тактические штаны из рип-стопа, которые

быстро сохнут, и черная термофутболка. Поверх — легкая непромокаемая куртка-бомбер. На палец правой руки он надел латунное кольцо-печатку. Массивное, тяжелое. Внутри него была скрыта полость с одной дозой концентрированной синильной кислоты. Пленник может рассказать слишком много, а быстрая смерть иногда милосерднее пыток. Или собственная смерть, если допрос зайдет слишком далеко.

Ночь опустилась на город резко, словно выключили свет. Ровно в 23:00 дешевый телефон, оставленный на столе, издал короткий писк. Новое сообщение. Координаты GPS. Широта и долгота точки в Финском заливе. Прикрепленный файл — схема палубы прогулочной яхты класса «Люкс». Название судна — «Цербер». Ниже шла короткая инструкция:

«Левонтин ждет гостей. Охрана — четыре человека, бывшая пехота НАТО. Вооружены короткостволом. Собака на борту отсутствует (аллергия клиента). Встречай группу высадки на внешнем рейде. Ликвидируй покупателя. Товар должен остаться на яхте. Левонтин уходит с нами. Работай чисто».

Подпись отсутствовала. Подписи были излишни. Олег посмотрел на часы. Остался час. Он подошел к окну. Внизу, освещенный тусклым фонарем, маневрировал грузовой состав. Скрежет металла о металл резал слух. Олег вспомнил лицо сына. Смазанное годами пятно в памяти начало обретать черты. Мальчик восьми лет. Худенький, наверное. С серьезным взглядом. Кем он вырастет, зная, что отец — убийца? Будет ли он гордиться силой родителя или стыдиться его тени?

Барон бил точно в цель. Надежда — самый страшный наркотик. Она заставляет цепляться за жизнь тогда, когда логичнее отпустить. Она делает тебя уязвимым.

— Ничего личного, — прошептал Олег темноте. — Это просто работа.

До лодочной станции на берегу залива он добрался на попутке. Старый таксист всю дорогу жаловался на цены на бензин и политику, но Олег его не слышал. Он прокручивал в голове схему яхты. Палуба, рубка, каюта владельца внизу, машинное отделение. Точка проникновения — иллюминатор гостевой спальни. По схеме он находился прямо над ватерлинией, скрытый от камер наблюдения корпусом спасательной шлюпки.

Резиновая лодка-двухместка стоила ему оставшихся денег. Весла он брать не стал. Шум — враг диверсанта. Олег достал из рюкзака длинный нейлоновый шнур с карабинами и титановый крюк-кошку. Море встретило его мертвым штилем. Вода была черной, маслянистой, отражающей редкие звезды. Воздух пах йодом и холодной гнилью. Октябрь в этих широтах дышал смертью.

Плыть пришлось около километра. Олег работал руками и ногами экономно, используя технику плавания боевых пловцов — бесшумно, оставляя минимальный след на поверхности. Температура воды была близка к критической. Холод пробирал до костей, вымывая остатки тепла из раненого плеча. Мышцы начало сводить судорогой, но береговые огни города давно скрылись за горизонтом, пути назад не было.

Яхта появилась внезапно. Сначала возник звук — низкий, мерный гул генераторов. Затем показались очертания. Двадцать метров совершенной хищной красоты. Обводы корпуса поглощали свет, делая судно практически невидимым на фоне темной воды. На корме золотом сияло название: *CERBERUS*.

На верхней палубе горел мягкий синий свет. Силуэты двух охранников маячили у борта. Они не смотрели в сторону воды — зачем? Кто в здравом уме поплывет штурмовать частную яхту миллионера в плывь посреди ночи?

Олег нырнул, уходя под корму. Здесь, в тени винтов, вода была совсем ледяной. Он открыл рот, выравнивая давление в ушах. Легкие жгло от нехватки кислорода. Используя складной нож, он подплыл к корпусу ниже ватерлинии. Сталь была покрыта слоем ракушек и слизи. Здесь, согласно чертежам судов такого класса, располагался технический люк для обслуживания датчиков осадки. Замок был простым — защита от случайных любопытствующих.

щих туристов, но не от профессионала. Щелчок. Металл скрипнул, но шум волн заглушил звук. Олег протиснулся внутрь. Узкая труба технического коридора, заполненная пучками кабелей и труб гидравлики. Выбираться пришлось в подсобке экипажа. Темнота полная, густая. Олег зажмурился на десять секунд, позволяя глазам адаптироваться. Затем медленно приоткрыл дверь.

Коридор жилой палубы устлан мягким ковром. Пахнет озоном от кондиционеров и жареным мясом — наверху развлекались гости. Из-за переборки доносился приглушенный смех и звон бокалов. Играла джазовая музыка.

Олег снял мокрую куртку. Выжал ее прямо на дорогой персидский ковер. Достал Glock. Проверил патрон в патроннике. План был прост. Наверху четверо телохранителей плюс команда матросов (еще трое, судя по габаритам судна) плюс Левонтин. Плюс покупатель. Минимум девять противников в замкнутом пространстве. Численное превосходство диктовало тактику: шок и доминирование. Нельзя давать им времени разбежаться по каютам и занять оборону.

Он поднялся по винтовой лестнице на верхнюю палубу. Здесь гулял прохладный ветер. Четверо охранников в черных тактических костюмах стояли расслабленно. Двое у левого борта курили (электронные сигареты, дыма нет), двое у правого наблюдали за катером береговой охраны вдалеке. Никто из них не успел среагировать. Олег вышел из тени рулевой рубки. Первый выстрел вошел в затылок ближайшему курильщику. Звук глушителя превратился в тихий шипение. Тело осело, зацепив рукой леер ограждения. Второй получил пулю в основание черепа прежде, чем понял, почему упал его товарищ. Двое у другого борта начали разворачиваться, руки метнулись к кобурам под мышками. Третий выстрел. Четвертый. Всё заняло меньше трех секунд. Абсолютная тишина, нарушаемая только музыкой Луи Армстронга из динамиков и плеском волн о борт.

Олег перезарядил пистолет. Магазин опустел наполовину. — Добрый вечер, господа, — громко сказал он, выходя на центр палубы.

Картина маслом: десятка два мужчин в дорогих смокингах и шелковых платьях спутниц застыли вокруг сервированного стола. Бутылки коллекционного вина, лобстеры во льду. В центре композиции сидел лысый, круглый человек с лицом печального бульдога. Арнольд Левонтин. Слева от него — мужчина с азиатскими чертами лица в безупречном костюме Tom Ford. Покупатель. Судя по посадке головы и спокойствию рук — бывший военный высокого ранга, возможно, из разведки КНР или Южной Кореи.

— Господа, прошу прощения за опоздание, — продолжил Олег, поводя стволом. — Сделка отменяется. Всем оставаться на местах. Попытка достать телефон или прыгнуть за борт — расстрел на месте.

Наступила мертвая тишина. Джаз продолжал играть, создавая сюрреалистичный контраст с направленными на публику стволами пистолета.

Левонтин медленно, стараясь не делать резких движений, положил вилку.

— Вы... вы работаете на Старика? — голос магната дрожал, но в нем слышалась попытка сохранить достоинство.

— Я работаю на себя, — ответил Олег. — А вот эти ребята, — он кивнул на четверых убитых охранников, — больше не работают ни на кого. Советую помолчать, Арнольд. Ваше здоровье оставляет желать лучшего, лишние нервы могут вызвать инфаркт.

Олег сделал шаг к столу. Он видел краем глаза движение справа. Матрос. Парень лет двадцати, видимо, вышедший из камбуза с подносом. Инстинкт самосохранения сработал раньше мозга — парень бросился бежать к запасному выходу в рубку.

Олег развернулся. Время растянулось. Матрос был безоружен. Он не представлял прямой угрозы, только свидетель. Но приказ Барона был однозначен: «Работай чисто. Никаких

лишних свидетелей». Свидетель расскажет полиции Интерпола, кто был на борту. Начнется расследование. Заказчика расстроит внимание спецслужб.

Выбор. Либо убить мальчишку и стать полноценным животным Барона. Либо отпустить и поставить под удар единственный шанс узнать правду о семье.

Матрос уже схватился за ручку двери рубки. Еще секунда — и он захлопнет бронированную створку, включит тревогу. Олег нажал на спуск. Пуля вошла бегущему в спину, между лопаток. Парня швырнуло вперед, впечатав лицом в дубовую панель двери. Он сполз вниз, оставляя кровавый след.

По столику с шампанским расплескалось розовое вино. Одна из женщин истошно закричала. Мужчина рядом с ней блеванул прямо на свои лакированные туфли.

— Я предупреждал, — ровно произнес Олег, переводя взгляд обратно на Левонтина. — Сидеть тихо. Скоро приплывут те, кто отвезет вас домой. А мы с господином покупателем прогуляемся до борта. Поговорим о международной торговле.

Он подошел к азиатку. Тот сидел неподвижно, глядя на Олега абсолютно пустыми глазами профессионального убийцы. В отличие от остальных гражданских, этот не боялся смерти. Он оценивал противника.

— Ваши документы сгорят вместе с этой посудиною, — сказал Олег, приставляя глушитель пистолета ко лбу мужчины. — Передайте своему руководству, что Северный морской путь закрыт для посторонних. Азиат едва заметно кивнул. Понял. Принял правила игры. Олег взял его за воротник дорогого пиджака и поволок к корме. — Прощайте, господин Левонтин, — бросил он через плечо. — Передавайте привет акулам. Хотя сомневаюсь, что они станут это есть.

Толчок тяжелого тела о перила. Всплеск. Короткий пузырь воздуха вырвался на поверхность и исчез. Олег вернулся к столу. Левонтин сидел белый как мел.

— Вставайте, Арнольд, — сказал Олег. — Ваша карета подана. Водители ждут внизу. Надевайте спасательный жилет. Сегодня вам предстоит научиться плавать. Очень быстро. Спустя десять минут надувной плот с трясущимся олигархом отчалил от борта «Цербера». Олег остался один на залитой кровью палубе, посреди разбитой посуды и недоеденных деликатесов. Он подошел к панели управления аудиосистемой. Переключил трек. Вместо джаза заревели гитарные риффы старой советской группы «Кино»: *«Закрой за мной дверь, я ухожу»* Олег спустился в машинное отделение. Система пожаротушения активировалась нажатием двух кнопок и поворотом красного ключа. Галон — газ, вытесняющий кислород. Команда внизу уснет за тридцать секунд. Навсегда.

Он покинул яхту тем же путем, каким вошел — через технический люк ниже ватерлинии. Вода приняла его, смывая чужую кровь и грехи. Впереди, километрах в трех, мигал красный огонь буя. Там его подобьет заранее арендованный рыбацкий баркас. Олег перевернулся на спину, тяжело дыша. Соленая вода жгла раны. Плечо пульсировало адской болью. Но впервые за долгие годы тяжесть в груди стала чуть легче. Он выполнил работу. Послал ответ Барону. Теперь оставалось ждать следующего хода в этой шахматной партии, где фигурами служили человеческие жизни, а ставкой была душа капитана Волкова.

Глава 5. Переломный момент.

Рыбачкий баркас назывался «Святой Николай». Это название, грубо намалеванное облупившейся синей краской на изъеденном солью борту, выглядело как насмешка над тем местом, куда Олег доставил своего пассажира. Святой покровитель не имел власти в этих водах — здесь правил только холодный расчет и ржавчина.

Старый эстонец по имени Яан молча принял из рук Олега плотную пачку долларов, пересчитал их под светом тусклого фонаря «летучая мышь» и так же молча кивнул в сторону каюты. Он не задавал вопросов. В приграничных водах Финского залива люди его профессии давно разучились интересоваться происхождением грузов и пассажиров. Главное, чтобы те платили твердой валютой и не оставляли после себя пятен крови на палубном настиле.

Олег провалился в темноту почти сразу, как рухнул на узкую койку, пропахшую рыбой и дизельным топливом. Организм, работавший на пределе последние сорок восемь часов, наконец отключил предохранители. Боль в простреленном плече, жжение в горле от остатков газа и ледяная усталость сплелись в один тугой узел, который лопнул, унося сознание прочь от реальности.

Сон был вязким, похожим на болотную трясину. Он снова стоял в том самом ущелье. Солнце палило нещадно, раскаляя камни до состояния сковороды. Пулеметчик на скале работал короткими, злыми очередями, прижимая группу к земле. — Зной! Гранаты! — орал в рацию голос Седого, но вместо гранатного подсумка пальцы Олега нащупывали пустоту. Он посмотрел вниз. На камнях лежали не осколочные РГД-5. Там, разбросав руки, лицом вверх лежала Лена. Ее свадебное платье было залито грязью и кровью. А рядом сидел Мишка. Сын. Ему было года три, он сжимал в руках пластмассовую лопатку и методично стучал ею по камню, издавая звук метронома: тик-так, тик-так. Пули взбивали фонтанчики пыли вокруг них, но ни одна не попадала. Мальчик поднял глаза на Олега. Взрослые, полные упрека глаза старика. — Ты обещал прийти на день рождения, папа, — сказал Мишка голосом Левонтина. — Почему ты опять опоздал? Олег закричал и бросился вперед, закрывая их собой своим телом, принимая свинец проснувшись от удара волны о борт. Его подбросило на койке. Желудок совершил кульбит. Баркас попал в полосу шторма. За маленьким иллюминатором каюты бушевала серая мгла. Неба не было видно — только свинцовые гребни волн, которые то вздымали угловое суденышко на вершину, то бросали в водяную яму так, что трещали шпангоуты.

Олег сел. Тело отзывалось протестующим воем каждой мышцы. Правая рука висела плетью; плечо распухло и горело фиолетовым огнем. Лихорадка вернулась — кожа была сухой и горячей, а зубы выбивали дробь от озноба. Началось заражение. Без антибиотиков и нормального хирурга пуля внутри превратит руку в гниющую ветошь за пару дней. Яан заглянул в каюту, держась за косяк. Его лицо цвета старого пергамента оставалось бесстрастным. — Финская береговая охрана, — прокричал он сквозь шум ветра, перекрывая гул мотора. — Идут встречным курсом. Будут через двадцать минут. Нам нужно лечь в дрейф или уходить в шведские воды. Что делаем? Шведские воды означали задержание для выяснения личности, финские — верную выдачу России по запросу ФСБ. Ни тот, ни другой вариант Олега не устраивал. — Выходим к островам, — прохрипел Олег. — К Южному архипелагу. Там есть старая погранзаства. Заброшенная. Эстонец хмыкнул, оценив безумие идеи идти в шторм к гранитным зубьям скал, но спорить не стал. Штурвал скрипнул, «Святой Николай» тяжело лег на правый борт, меняя курс.

К заброшенной заставе они вышли чудом. Море выплюнуло баркас в небольшую бухту, защищенную от ветра отвесной стеной гранита, поросшего седым мхом. Дождь прекратился, сменившись мелкой, секущей крупой. Скалы были черными и мокрыми, скользкими, как

стекло. Причал представлял собой сгнившие деревянные сваи, о которые с грохотом билась вода.

— Дальше сам, — крикнул Яан, закрепляя носовой фалинь за ржавое кольцо. — Обрато пойдеш пешком через лес к шоссе. До Выборга километров десять. Телефон там ловить не будет еще лет сто. Олег кивнул. Слова давались с трудом. Озноб перешел в горячечный жар. Перед глазами иногда начинало двоиться. Он понимал: если сейчас не найти укрытие и медикаменты, этот камень станет его могилой.

Застава встретила его выбитыми окнами и запахом сырости. Типовое строение конца восьмидесятых — казарма, оружейка, дизель-генераторная и вышка. Всё брошено в спешке: на столах стояли алюминиевые кружки с засохшим чаем, на полу валялись прошлогодние газеты. Государство ушло отсюда, оставив лишь бетон и железо.

Олег проверил дизель-генератор. Чудо инженерной мысли советского военпрома завелось с третьего рывка, залив тесную рубку сизым дымом. Загудели лампы под потолком, давая призрачный желтый свет. Это место пахло прошлым. Запахом ружейного масла, кирзы и несбывшихся надежд империи. Идеальная декорация для финала человека, которого больше нет. Первым делом — аптечка. Любой военный объект такого уровня комплектовался укладкой первой помощи повышенной категории. Олег знал места хранения лучше, чем план собственной квартиры. Металлический ящик в санчасти нашелся быстро. Замок поддался лезвию ножа. Внутри царил порядок бинтов и стеклянных ампул. Пенициллин. Сульфокамфокаин. Промедол. Он вскрыл ампулу промедола дрожащими пальцами здоровой руки. Жидкость обожгла вену холодом, прежде чем накрыть волной оглушающего тепла. Боль отступила, спряталась где-то глубоко в костях, позволяя дышать полной грудью. Мир потерял резкие очертания, став мягким и ватным.

Затем начался самый страшный этап. Сам себе хирург без анестезии, кроме той, что уже ударила в мозг. Олег сел перед старым трюмо, выданным из кают-компани. Поставил на табурет спиртовку, прокалил над огнем лезвие складного ножа. Отражение смотрело на него чужим, осунувшимся лицом. Шрам на щеке воспалился и покраснел, сливаясь цветом с лихорадочным румянцем. Под глазами залегли черные тени.

— Ну что, Зной, — прошептал он своему отражению. — Допрыгался? Сейчас мы тебя будем потрошить.

Руки действовали механически, подчиняясь мышечной памяти инструктажей по само- и взаимопомощи. Наложить жгут выше раны, чтобы остановить приток крови. Обработать кожу йодом — едкий запах ударил в ноздри, вышибая остатки тумана из головы. Разрез. Лезвие вошло в собственное тело легко, но каждое движение отдавалось вспышкой белого света перед глазами. Кровь хлынула густая, почти черная в желтом свете ламп. Олег запустил пальцы в рану, игнорируя рвотный позыв. Искать вслепую нельзя — можно задеть нерв или артерию. Нужно на ощупь. Вот оно. Твердый, горячий цилиндр. Свинец вошел плотно, застрял между дельтовидной мышцей и головкой плечевой кости. Он попытался захватить его ногтями. Пуля выскользнула. Пальцы соскальзывали с горячего металла, покрытые собственным жиром и сукровицей. Олег зарычал. Низко, по-звериному. Адреналин смешивался с наркотиком, создавая чудовищный коктейль ярости. Второй захват. Глубже. Ногти впились в мясо. Рывок. Тупой, влажный хруст. Пуля упала в эмалированную миску с глухим стуком. Маленький кусочек деформированного металла, забравший столько сил. Обработка. Бинтование. Туго, до посинения пальцев левой руки. Остановка кровотечения. Когда всё закончилось, Олег сидел на полу, привалившись спиной к холодной стене. Промедол отпускал хватку медленно. Плечо онемело, превратившись в посторонний предмет, привязанный к телу. Но жара начала спадать. По шее и груди ручьями лился холодный липкий пот.

Он проспал шесть часов мертвецким сном.

Проснулся он от тишины. Генератор заглох, выработав остатки солярки. Застава погрузилась в серый полумрак пасмурного дня. Часы показывали половину четвертого утра следующего дня. Олег пошевелил правой кистью. Пальцы дрогнули. Медленно, преодолевая сопротивление отекавших тканей, он смог сжать их в кулак. Не идеально, чувствительность нарушена навсегда, но рука работала. Первый переломный момент пройден — он остался цел, сохранив инструмент убийства. Нужно было двигаться дальше. Сидеть на этой скале и ждать смерти от голода или заражения глупо. У него появился козырь — время. Барон ждет отчета о выполнении задания. Пока труп Левонтина не всплывет (а он не всплывет, Олег намеренно проделал дыру в спасательном плоту ножом), заказчик будет считать игру продолжающейся. Эта пауза — окно возможностей. Олег собрал рюкзак. Рационы сухого пайка (ИРП-Б), две бутылки воды, найденные в подсобке, запасные магазины к Glock'у. Винтовку пришлось оставить — вес длинноствольного оружия сейчас был непозволительной роскошью для раненого плеча. Только пистолет, нож и интеллект.

Перед выходом он поднялся на смотровую вышку. Архипелаг простирался вокруг россыпью черных камней, покрытых зеленью. Вода успокоилась, превратившись в серое зеркало. И в этом зеркале, километрах в пяти к северо-востоку, двигалась точка. Олег достал монокуляр. Оптика приблизила цель. Катер Береговой охраны Финляндии. Класс «Хельсинки». Вооружен автоматической пушкой. Они методично прочесывали квадраты. Видимо, кто-то все-таки заметил маневры «Святого Николая» и передал данные пограничникам. Или это инициатива Кречета, решившего лично проверить острова на наличие беглеца. Уходить по воде нельзя. Катер догонит баркас за минуты. Идти по открытому берегу — самоубийство. Тепловизор вертолета заметит теплую человеческую фигуру среди холодного гранита мгновенно. Оставался единственный путь. Под камнем. Советские военные инженеры параноидально относились к выживанию личного состава. Любая застава строилась с учетом возможности длительной автономной обороны. Олег спустился в подвал казармы. Среди старых списанных матрасов и пустых ящиков из-под тушенки он нашел то, что искал — чугунный люк канализации. Вернее, системы дренажных тоннелей, выводивших ливневые воды со скалы прямо в море через подводный грот.

Металл заржавел настолько, что петли не хотели поддаваться. Олег бил прикладом пистолета по рычагу, пока тот с пронзительным визгом не сдвинулся с места. Из черного провала пахнуло затхлостью, плесенью и вековой тьмой.

Спуск занял вечность. Скобы, вбитые в бетон, крошились под весом тела. Каждый раз, перенося нагрузку на правую руку, Олег чувствовал, как края пулевого канала расходятся, грозя разорвать швы. Наконец, ноги коснулись дна. Здесь стояла вода — по колено, ледяная, мутная. Звук падения капли отдавался в замкнутом пространстве пушечным выстрелом.

Пришлось включить подсветку телефона. Луч светодиода выхватывал из мрака сочащиеся влагой стены, заросшие белесой слизью, и пучки кабелей связи, висящие над головой, как змеи. Тоннель шел под уклон, уходя вглубь скального массива.

Идти приходилось согнувшись. Потолок местами опускался так низко, что приходилось ползти на коленях в ледяной воде. Узость пространства давила на психику, вызывая приступы клаустрофобии. Олег дышал размеренно, концентрируясь на звуках собственного сердца, чтобы не поддаваться панике. Ты уже мертв, — повторял он про себя старую мантру спецназа. — Мертвецам не бывает тесно.

Через час пути луч фонаря высветил впереди препятствие. Завал. Тоннель был перекрыт нагромождением бетонных обломков — видимо, произошел сдвиг грунта или внутренний взрыв коммуникаций много лет назад. Прохода не было.

Олег ощупал стену справа. Шершавый бетон внезапно закончился. Пальцы наткнулись на гладкое дерево. Люк. Старый технический лаз, замаскированный под породу. Замок отсутствовал — просто деревянная пробка, забитая в паз. Олег навалился здоровым плечом. Дерево

затрещало, посыпалась труха. Лаз открылся в небольшое помещение — насосную станцию. Старая аппаратура покрылась толстым слоем мха. Стрелки манометров замерли на нуле десятилетия назад. Но главное — здесь была лестница. Старая, сваренная из арматуры стремянка, ведущая к круглому люку в потолке.

Олег подтянулся. Плечо взорвалось болью, в глазах потемнело. Несколько секунд он висел, слепо шаря рукой по скобам, пытаясь найти точку опоры. Легкие требовали кислорода, но кричать было нельзя. Соберись. Один рывок. Последний. Он выбросил левую руку вверх, ухватился за край люка. Рычаг. Тело перевалилось через край, упав на пыльные доски пола какого-то сарая.

Над головой каркали вороны.

Олег выполз наружу через щели в разошедшихся воротах сарая. Свет ударил по глазам, привыкшим к темноте катакомб, причиняя физическую боль. Он зажмурился, прикрывая лицо ладонью. Запахи изменились. Вместо соли и плесени — выхлопные газы, сосновая смола и печной дым. Он оказался на окраине дачного поселка. Ветхие домики с участками в шесть соток, покосившиеся заборы из сетки-рабицы, спутниковые тарелки на крышах. Место, где время остановилось где-то в начале двухтысячных. Людей не видно — будний день, осень, дачники сидят по городским квартирам.

Олег упал за кучу полусгнившей картофельной ботвы и позволил себе минуту слабости. Его трясло крупной дрожью. Переохлаждение организма в тоннелях дало о себе знать. Зубы выбивали непрерывную дробь, несмотря на два слоя одежды.

Но система дала сбой. Где-то в процессе перехода границы между жизнью и смертью, между долгом солдата и инстинктом отца, произошел разрыв цепи. Барон думал, что управляет им с помощью морковки в виде семьи. Кречет думал, что может убить его приказом. Даже Седой считал, что понимает логику Волкова. Они ошиблись. Переломный момент наступил не тогда, когда он вытащил пулю из плеча, захлебываясь собственным потом. Он наступил сейчас, лежа в грязи чужой дачи, глядя на осеннее небо.

Страх исчез. Совсем. На его месте образовалась звенящая, абсолютная пустота. Когда человек теряет всё, ему становится нечего бояться. Раб, которому пообещали свободу в обмен на кровь, остается рабом. Человек, у которого отобрали надежду, становится стихией.

«Мой сын растет», — звучал в голове голос Барона. Да. Растет. Думая, что отец — герой, погибший за Родину. Если Олег вернется сейчас, предъявив живого ребенка, какая правда его ждет? Сказка о героизме рассыплется. Сын узнает, что его отец пять лет был киллером на поводке у теневых кукловодов. Узнает, что мать живет в золотой клетке заложницы. Семья, купленная ценой убийств, — это не семья. Это трофей.

Олег перевернулся на спину. Дождь начал накапывать снова, приятно остужая горячий лоб. План изменился. Цель номер один выжить — выполнена. Цель номер два получить семью — аннулирована. Она невыполнима, пока живы Кречет и Барон. Возвращение домой невозможно, потому что дома больше нет. Есть только декорации.

Новая цель сформировалась в мозгу четкой, ясной командой, очищенной от эмоций. Уничтожить систему. Вырезать раковую опухоль, которая называет себя «Проект Тень». Найти всех: Кречета, Барона, тех невидимых генералов, которые дергают за ниточки. Стереть саму память о проекте. Только полная аннигиляция угрозы гарантирует безопасность его близких. Пока дышит хотя бы один архитектор этого лживого мира, Лене и Мишке грозит опасность. Значит, миру пора заканчиваться.

Олег встал. Дрожь прошла. Холод теперь воспринимался не как враг, а как союзник, бодрящий кровь. Он осмотрелся. Дачи подходили к самой кромке леса. А за лесом, километрах в трех, проходила федеральная трасса «Скандинавия». Основной транспортный коридор. Там всегда есть цели. Богатые цели. Люди, везущие наличность на закупки земли или черный нал.

Люди, чьи машины защищены хуже инкассаторских броневиков, но чей телефонный звонок способен решить любую проблему с местной полицией.

Олег доковылял до ближайшего участка. Забор шатался. Окна веранды заколочены фанерой. Он обошел дом сзади. Инструменты. Садовый инвентарь. На гвозде в сарае висела бензопила «Дружба». Старая, тяжелая, заправленная горючим. Рядом — моток хорошей бельевой веревки и рулон плотного полиэтилена. Олег снял свой дорогой тактический рюкзак. Положил туда полиэтилен и веревку. Проверил Glock. Патронов осталось мало — полтора магазина. Придется работать экономно.

Он вышел обратно на дорогу, ведущую к трассе. Надел капюшон куртки пониже на глаза. Лицо, заросшее щетиной, испачканное сажей и землей, стало маской лесного дикаря. Со стороны он выглядел обычным бродягой-маргиналом, которых тысячи вдоль федеральных дорог. Невидимый элемент пейзажа.

Первый автомобиль — белый Mercedes GL-class — появился через пятнадцать минут. Скорость превышала разумную для мокрой дороги. Тонированное стекло скрывало водителя — успешного бизнесмена средней руки или коррумпированного чиновника районного масштаба. Едет в загородный дом кутить с друзьями.

Олег шагнул на обочину. Достал из кармана кусок арматуры, подобранный у разрушенного сарая. Простой, тяжелый кусок железа. Вытерпел, пока машина приблизится. Оценил дистанцию. Пятнадцать метров. Десять. Пять. Он вышел на проезжую часть, неуклюже прихрамывая, изображая пьяного или больного. Водитель ударил по тормозам. Резкий визг шин по мокрому асфальту. Машина юзом пошла вправо, едва не слетев в кювет.

Стекло водительской двери опустилось. — Тебе жить надоело, бомжара?! — раздался возмущенный бас. — Я сейчас полицию вызову!

Олег не ответил. Он сделал быстрый, скользкий шаг к двери. Арматура взлетела и обрушилась точно на боковое стекло. Звук удара стекла о металл прозвучал коротко и деловито. Мир снова сужался до размеров прицельной планки. Война продолжалась.

Глава 6. Возвращение в строй.

Запах бензина, дешевого табака и человеческого страха — это трио всегда сопровождало Олега Волкова на протяжении всей его военной карьеры. Сейчас этот коктейль ударил в ноздри с новой силой, но теперь он был не жертвой обстоятельств, а их режиссером. Водитель «Мерседеса» оказался быстрее, чем предполагал Олег. Как только боковое стекло брызнуло осколками внутрь салона, здоровяк за рулем инстинктивно дернулся вправо, пытаясь уйти от удара арматурой. Дверь со стороны пассажира приоткрылась, и оттуда вывалился второй пассажир — молодой парень в спортивном костюме, сжимающий в руке травматический пистолет.

— Ах ты сука! — рявкнул водитель, пытаясь достать из-под сиденья монтировку.

Олег не стал тратить время на разговоры или угрозы. В среде, где он вырос последние годы, слова были лишь шумовым заслоном перед ударом. Он шагнул вперед, сокращая дистанцию до критической. Арматура описала короткую дугу и врезалась водителю точно в ключицу. Хруст ломающейся кости потонул в реве двигателя. Мужчина обмяк, ткнувшись лбом в клаксон. Истошный гудок разорвал тишину осеннего леса.

Парень с травматом успел выстрелить дважды. Пули двенадцатого калибра с резиновыми шариками глухо шлепнули Олега по бронежилету скрытого ношения, который он снял с одного из охранников Левонтина еще на яхте. Было больно — как удары молотком по ребрам, — но останавливающего эффекта ноль. Третий патрон парень дослатить не успел. Олег поймал его руку на противоходе, используя инерцию движения противника. Резкий поворот кисти, хруст суставов. Травмат вылетел в грязь. Колено Олега вошло парню в солнечное сплетение, выбивая воздух из легких вместе с остатками юношеской самоуверенности. Всё закончилось за семь секунд. Грязных, некрасивых, лишенных голливудского блеска. Просто два тела, осевших на мокрый асфальт федеральной трассы.

Трофеи оказались скудными, но полезными для выживания. У водителя нашелся лопатник с приличной суммой наличности (около ста тысяч рублей) и золотыми часами, которые Олег без сожаления отправил в болото. Наличные — это кровь подпольного мира, они не оставляют цифрового следа. У парня изъял телефон последней модели и связку ключей от машины. Сам Mercedes GL-class выпуска прошлого года — отличная машина. Быстрая, комфортная, с полным приводом. Но слишком заметная. На такой машине нельзя ехать к людям Кречета или выходить на связь с Бароном. Это приманка для каждого поста ДПС от Выборга до Питера.

Олег загнал машину поглубже в лесополосу, ломая молодые сосенки бампером. Снял номера. Затем достал из рюкзака моток плотного черного полиэтилена. Тела пришлось упаковывать тщательно — разложение привлечет внимание грибников и полиции раньше, чем исчезнет цифровая активность телефонов жертв. Он столкнул свертки в глубокий дренажный ров, завалив их сверху валежником и лапником. Грязный, воняющий потом и чужой кровью, он сел за руль трофейного автомобиля. Включил зажигание. Тихое урчание шестицилиндрового мотора прозвучало успокаивающе. Это звук контроля. Звук возможности уехать куда угодно.

Но ехать было некуда. Олег посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида. На него смотрел призрак. Щеки впали, кожа приобрела землистый оттенок, под глазами залегли фиолетовые круги. Правый рукав куртки пропитался темной кровью, уже начавшей подсыхать и коробиться. Шрам на щеке воспалился, превратившись в багровую борозду. Он включил найденный смартфон парня. Разблокировка по лицу сработала. Экран вспыхнул уведомлениями: пропущенные звонки от «Шеф», сообщения в Telegram о каких-то клубах и девочках. Мир этих людей казался Олегу плоским, нарисованным неумелым ребенком. Они жили в реальности, где проблемы решались деньгами и звонками папочкам. Олег жил там, где проблема была одна — смерть, и решать ее нужно было собственными руками.

На приборной панели мигал индикатор спутниковой навигации. Карта показывала, что ближайшая цивилизация — поселок городского типа Лебедевка в десяти километрах отсюда. Там есть сельпо, аптека и, если повезет, кабинет фельдшера. Рука требовала профессиональной чистки. Промедол, вколотый на заставе, отпускал, уступая место пульсирующей, грызущей боли.

В Лебедевку он въехал, соблюдая скоростной режим. Превышение скорости — первый рефлекс паникующего человека. Спокойствие едет шестьдесят километров в час. Аптека нашлась у автобусной остановки. Старая вывеска «Здоровье» покосилась набок. Внутри пахло нафталином, корвалолом и стерильностью бедности. За прилавком стояла женщина лет пятидесяти с лицом, выражающим вселенскую скорбь и профессиональное недоверие ко всему человечеству. — Здравствуйте, — тихо сказал Олег. Голос после тоннелей саднил. — Мне нужен Цефтриаксон, Лидокаин для разведения, шприцы пятерки и физраствор. И перекись. Много перекиси.

Фармацевт окинула взглядом его лицо, грязную одежду и то, как бережно он прижимает левую руку к животу. — Молодой человек, рецепт на антибиотики первой линии. — Женщина, — Олег положил на прилавок две тысячи рублей. Купюра легла мягко, почти неслышно. — Если я сейчас выйду отсюда без лекарств, через сутки ваша статистика смертности в районе вырастет на единицу. Я не хочу портить вам показатели. Либо вы продаете мне лекарства, либо вызываете сюда наряд. Решайте. Только быстро, у меня начинается озноб.

Пауза длилась ровно столько, сколько требуется времени, чтобы страх победил должностную инструкцию. Страх перед непредсказуемым человеком с мертвыми глазами перевесил страх перед проверкой Минздрава. — Лидокаин двухпроцентный пойдет? — буркнула она, начиная собирать заказ. — Пойдет.

Инъекции пришлось делать прямо в машине, запарковавшись за зданием заброшенного коровника на окраине поселка. Жидкое золото обезболивающего смешалось с антибиотиком и медленно вошло в мышцу бедра. Олег откинулся на сиденье, глядя в потолок. По телу пошла теплая волна, вымывая лихорадку. Боль отступила, затаившись глубоко в костях, словно сытый хищник.

Теперь голова работала ясно. Химическая защита снята, пора включать аналитику. Проект «Тень». Седой назвал это так. Частная инициатива патриотически настроенных меценатов. Красивая обертка для наемничества государственного масштаба. Кто такие эти «меценаты»? Кто дает им бюджеты, покрывающие содержание эскадрильи беспилотников, спутниковое наблюдение и элитные спецподразделения уровня «Альфа»? Ответ напрашивался сам собой. Те, кто контролирует бюджет страны. Те, кому мешают старые кадры вроде Кречета, считающие себя хозяевами жизни.

Кречет решил сыграть ва-банк. Подставляя Олега под ФСБ в санатории, генерал пытался решить сразу две задачи: избавиться от вышедшего из-под контроля исполнителя и дискредитировать своих политических оппонентов, повесив на них трупы международной ЧВК. Барон же просто собирал сливки. Ему выгоден хаос. Пока Кречет воюет с эфэсбэшниками, Барон получает контракты на ликвидацию таких, как Левонтин.

Олег завел двигатель. Поселок остался позади. Теперь маршрут лежал обратно в город. Не в порт — там сейчас будет филиал ада с собаками и тепловизорами. Ему нужно было в центр. В стеклянное сердце корпоративной России. Место, где цифры важнее пуль.

Бизнес-центр «Монблан» взмывал в серое небо Петербурга острой иглой. Парковка здесь стоила больше, чем месячная зарплата рабочего на заводе. Охрана состояла из бывших сотрудников ФСО — ребята с каменными лицами и гарнитурами в ушах. Олег оставил угнанный Мерседес в соседнем квартале. Перед входом в святилище капитала он привел себя в относительный порядок: смыл основную грязь водой из бутылки, надел темные очки, скрывающие пол-лица, и сменил тактическую куртку на неприметную черную ветровку, купленную в при-

дорожном магазине-однодневке. Со стороны он выглядел как уставший аййтишник среднего звена или мелкий менеджер по продажам, чья карьера переживает не лучшие времена.

Главный холл «Монблана» встретил его искусственным климатом, запахом дорогого парфюма и журчанием воды в мраморном фонтане. Здесь не ходили — здесь скользили тени в Bvlgari и Hermes. Олег подошел к стойке регистрации. — Мне назначено к Илье Марковичу Бернштейну, — произнес он фамилию наугад, взятую из списка контактов в телефоне убитого парня с трассы. — Конференция инвесторов. Мой босс задерживается, мне нужно передать флешку секретарю.

Девушка-администратор профессионально улыбнулась, сверяясь с планшетом. Люди такого сорта видят сотни лиц в день; они запоминают не черты, а категорию опасности. Лицо Олега сейчас излучало лишь усталость и легкий запах антисептика. — Илья Маркович сегодня не принимает посетителей вне листа доступа, — вежливо, но непреклонно сказала она. — Конечно, — кивнул Олег. — Именно поэтому мой босс очень расстроится, когда узнает, что секретарь Бернштейна отказалась принять пакет документов на двести миллионов долларов инвестиций в строительство порта. Бумаги лежат в багажнике моей машины. Может быть, мне принести их прямо сюда? Вместе с копией договора аренды вашей парковки? Думаю, службе безопасности здания будет интересно узнать, почему инвестор федерального уровня вынужден бросать Range Rover в грязи за углом. Это был чистый блеф, построенный на психологии лакеев. Администраторы боятся ответственности выше всего на свете. Ошибка в допуске инвестора стоит работы. Отказ потенциальному спонсору грозит увольнением всему руководству бизнес-центра.

Девушка побледнела. Ее пальцы забегали по клавиатуре. — Одну минуту, я свяжусь с приемной... — Не надо, — мягко остановил её Олег. — Просто проводите меня к лифтам для резидентов. Я поднимусь сам. Предупредите этаж, чтобы меня не пристрелили ваши дуболомы на выходе из кабины. Через три минуты он стоял в зеркальном кубе скоростного лифта, возносящего его на сорок четвертый этаж. Отделка кабин здесь напоминала рубку космического корабля из фантастических фильмов восьмидесятых. Холодный блеск хрома и тусклый свет LED-панелей.

Коридор сорок четвертого этажа был пуст. Ковролин поглощал звуки шагов. Олег шел, читая латунные таблички на дверях. «Bernstein & Partners. Audit and Consulting». Дверь оказалась закрыта на магнитный замок. Рядом панель видеодомофона. Олег достал свой Glock. Накрутил на ствол длинный, тяжелый глушитель титанового сплава. Инструмент взломщика нового поколения приставил к личинке замка. Выстрел в упор. Пуля с экспансивной выемкой вошла в механизм, превращая электронику в труху. Толчок плечом — дверь распахнулась.

Приемная поражала стерильной роскошью. Кожаные диваны, абстрактная живопись на стенах ценой в квартиру, орхидеи в горшках. За столом из карельской березы сидела девушка-модель. При виде вооруженного мужчины в маске (Олег натянул балаклаву еще в коридоре) она открыла рот для крика.

Олег пересек комнату одним прыжком. Ладонь зажала ей нос и рот, вторая рука жестко зафиксировала подбородок. Прием точечного давления на сонную артерию. Девять секунд. Девушка обмякла, повиснув на нем тяжелой куклой. Он аккуратно усадил её в кресло, подложив под голову кожаный ежедневник, чтобы не ушиблась при падении. Никаких синяков, никаких следов борьбы. Чистота. Кабинет Ильи Марковича находился дальше. Массивная двустворчатая дверь красного дерева. Олег вошел без стука. Юрист сидел в глубоком кресле спиной ко входу, разговаривая по вертушке правительственной связи. — Да, Игорь Иванович, тарифы согласованы... Что значит «недостаточно обосновано»? Мы же договаривались... — Бернштейн осекся, почувствовав изменение температуры в кабинете. Медленно, очень медленно положил трубку.

Его плечи напряглись. Он начал поворачиваться в кресле. — Руки на стол. Пальцы растопырить, — голос Олега звучал механически, лишенный любых эмоций. Так говорят роботы или ангелы смерти.

Бернштейн был умным человеком. Жизнь юриста высшего эшелона научила его распознавать тип агрессии мгновенно. Этот гость пришел не грабить. Тот, кто грабит, кричит, угрожает, требует коды от сейфов. Этот пришел убивать. Причем тихо.

Илья Маркович выполнил приказ. Его пухлые, ухоженные руки легли на столешницу из цельного массива дуба. — Где серверная? — спросил Олег, обходя стол. — Внешние хранилища данных. Облачные шлюзы офиса. — Я ничего не знаю ни про какие порты! — пискнул юрист. По его виску поползла капля пота. — Я консультирую строительный сектор! — Ты консультируешь поток черных денег, Илья, — Олег наклонился над ним, упираясь стволом глушителя прямо в хрящ правого уха. — Через твои офшоры проходят транзакции всех вице-губернаторов этого города. Включая нашего общего знакомого Кречета. Меня интересует всё. Архивы за последние пять лет. Договоры найма частных армий. Выплаты структурам, зарегистрированным на Кипре и Каймановых островах. Проект «Тень».

Олег поставил на пол сумку. Достал внешний жесткий диск объемом в несколько терабайт. Профессиональное оборудование, способное слить данные со стойки за полчаса. — Садись за терминал, — приказал он юристу. — Вводи свои админские пароли. Копируй всё. Папки «Черная касса», «Личное», «Спецпроекты». Всё до последнего байта.

Пока жесткие диски жужжали, переписывая чужие грехи на чистую поверхность, Олег присел на корточки у стены. Усталость снова начала брать свое. Организм сжигал последние резервы гликогена. Раненая рука пульсировала тупым теплом. Бернштейн работал молча, лишь клацая дорогой механической клавиатурой. Спустя сорок минут процесс завершился. Олег отсоединил накопитель. Спрятал его во внутренний карман, закрепив скотчем к коже груди — самое безопасное место, которое не прощупают при поверхностном обыске.

— Спасибо за сотрудничество, Илья Маркович, — сказал Олег, выпрямляясь. Юрист поднял на него полный ужаса взгляд. Губы беззвучно зашептали молитву. — Не благодари, — Олег передернул затвор. Патрон выскочил, кувыркаясь в воздухе, и упал на мягкий ворс ковра. — Тебе выпала великая честь послужить высшей справедливости.

Выстрел в затылок получился тихим. Больше похожим на хлопок открываемой бутылки шампанского. Кровь и костные фрагменты забрызгали монитор, отображающий таблицу Excel с миллионными суммами. Символично.

Уход занял четыре минуты. Спуститься по лестнице пожарного хода, минуя камеры лифтового холла. Выйти через подземный паркинг, воспользовавшись универсальной картой-пропуском, снятой с пояса мертвого аудитора пятого этажа. Сев в оставленный за квартал Mercedes, Олег впервые за долгое время позволил себе выдохнуть. Полноценно, заполняя легкие воздухом до самого дна. Он сделал это. Он вернулся. Не как цепной пес, выполняющий волю невидимого хозяина. Как свободный агент. Данные с сервера Бернштейна — это атомная бомба. Информация стоимостью в миллиарды и десятки пожизненных сроков для половины политической элиты Северо-Запада. Теперь не Барон диктует условия. Теперь Олег держит их всех за горло. Он вытащил свой старый кнопочный телефон. Тот самый, одноразовый. Номер Барона он помнил наизусть. После третьего гудка щелчок соединения. — Задача выполнена, — сказал Олег вместо приветствия. — Левонтин кормит рыб. Встреча сорвана навсегда. На том конце провода молчали секунду. Затем раздался сухой смешок. — Впечатляет, капитан. Один человек против экипажа и охраны. Я начинаю верить, что мы не зря потратили деньги на твоё обучение. Значит, путь к семье открыт? Приезжай в Будву. Вилла «Эдельвейс», побережье Яза. Код от калитки — дата твоего рождения. Жена ждет. — Сначала информация, — холодно оборвал его Олег. — Прямо сейчас. Координаты. Иначе флешка с делами вашего

теневого кабинета уйдет напрямик на почту товарищу генералу из Управления собственной безопасности ФСБ. Уверен, он давно мечтает поговорить с вами о методах освоения бюджета.

Молчание стало тяжелым, давящим. Иллюзия всемогущества Барона дала трещину. Он привык играть людьми, у которых есть слабые места. Семья, деньги, страх смерти. Но что делать с человеком, которому нечего терять, а взамен предлагается весь мир? — Ты усложняешь, Зной, — наконец процедил Барон. — Хорошо. Скину геоточку. Но учти: если это ловушка — Ловушки ставят на зверей, — ответил Олег. — А я — охотник. До встречи, партнер. Береги почки. Связь оборвалась. Олег заблокировал двери машины. Завел мотор. Навигатор высветил новую точку. Зброшенный форт «Красная Горка» на берегу залива. Классическое место для стрелок эпохи девяностых — легко контролировать подходы, нет лишних глаз, много бетона для укрытия.

По радио передавали новости: *«Продолжается поиск особо опасного преступника, бывшего военного, причастного к расстрелу в порту и нападению на кортеж вице-губернатора...»*

Олег выключил радио. Окружающий шум ему мешал. Впереди ждал финал первого акта этой войны. Форт станет местом обмена. Информацию — на семью. Но Олег уже принял решение. Никакого обмена не будет. Будет конфискация. Семья вернется домой. А те, кто держал их в клетке, познают значение слова «Переломный момент». Момент, когда добыча перестает бежать и сама становится волком.

Глава 7. Ограбление века.

Форт «Красная Горка» встретил Олега запахом озона и гниющих водорослей. Осенний шторм накануне перекопал берег, обнажив старые бревенчатые сваи и ржавые остовы немецких мин времен Великой Отечественной. Это место было идеальным склепом — монументальным, мертвым и пропитанным историей насилия.

Олег припарковал угнанный Mercedes в низине, за бруствером старой артиллерийской батареи. Отсюда просматривался только кусок неба и верхушка бетонного капонира. Машина была его страховкой на случай экстренного отхода, хотя Олег понимал: если Барон решил играть жестко, бронированные стекла не спасут от гранатомета.

Плечо пульсировало тупой болью под толстым слоем бинтов. Антибиотики работали, но организм был истощен до предела. Каждое движение отзывалось скрипом суставов. Он проглотил последнюю таблетку сильного анальгетика из аптечки юриста Бернштейна. Мир вокруг слегка поплыл, краски стали ярче, а звуки — четче. Лекарство граничило с ядом, но сейчас ему нужна была абсолютная ясность клинка, а не туман усталости.

До назначенного времени оставалось сорок минут. Олег двинулся к форту пешком, обходя центральную дорогу по осыпавшимся рвам. Его одежда снова сменилась: теперь он был одет в черный костюм водолаза-разведчика из тонкого неопрена, поверх которого носил легкий городской бронежилет класса защиты Бр4. Оружие распределено по телу для идеального баланса: Glock 19 на бедре, нож НР-43 на голени, две светошумовые гранаты РГД-5 (переделанные кустарно) на разгрузке.

Вход в подземелья форта зиял черной дырой. Массивные стальные двери были срезаны автогенном еще в девяностые охотниками за металлом. Внутри пахло пылью веков, бетоном и сыростью. Олег включил прибор ночного видения. Окружающий мир окрасился в ядовито-зеленый фосфоресцирующий цвет. Коридоры казались кишками гигантского чудовища. Барон выбрал идеальное место для засады. Узкие галереи фортов созданы так, чтобы один человек с винтовкой мог удерживать роту. Бесчисленные слепые зоны, амбразуры, вентиляционные шахты идеальной глубины для снайперской позиции.

Точка randevу находилась в бывшем оружейном погребе главного калибра. Огромное круглое помещение диаметром метров тридцать. В центре — засыпанный песком лоток подачи снарядов. По периметру — ниши для хранения пороховых полузарядов. Потолок терялся во мраке.

Олег вошел со стороны дренажной системы, выдавив решетку ливневки. Он двигался вдоль стены, используя метод «серой зоны» — ступая только там, где тени ложились двойным слоем, скрывая тепловой след тела даже от продвинутых тепловизоров.

Он занял позицию в одной из верхних ниш, метрах в пяти над уровнем пола. Оттуда дворик просматривался как на ладони, сам же Олег оставался невидим снизу. Ровно в полночь внизу появился свет. Не электрический — химический. Вспыхнули два люминесцентных стержня, залив песок мертвенно-белым светом. Из противоположного коридора вышли трое. Двое остались у входа, держа руки сложенными на животе — классическая стойка телохранителей высокого уровня, позволяющая мгновенно выхватить оружие из подплечной кобуры. Третий шагнул вперед.

Это был не Кречет. И уж тем более не мифический Барон. Навстречу Олегу шел мужчина неопределенного возраста, чье лицо состояло из острых углов и бледной кожи. Идеально сидящий костюм-тройка ручной работы выглядел здесь неуместно, словно фрак на виселице. Человек улыбался одними губами. — Капитан Волков, — голос гостя звучал безжизненно, лишенный обертонов. — Признаться, ваше досье впечатляет больше, чем ваш внешний вид. Выглядите скверно. — Я спал в лесу, — ровно ответил Олег. — Там нет ортопедических мат-

расов. Где моя семья? — Здесь, — незнакомец щелкнул пальцами. Из бокового прохода двое других бойцов вытащили женщину и мальчика. Сердце Олега пропустило удар, а затем забило с частотой пулемета. Кровь ударила в голову так сильно, что зеленый фильтр ПНВ едва не треснул. Лена. Она похудела, волосы коротко стрижены, на лице — маска покорности, которая сломалась лишь на секунду, когда она увидела его. В ее глазах вспыхнула безумная надежда, тут же подавленная страхом. Мишка Сын вырос. Худая шея, острые коленки, взгляд волчонка. Он дернулся к матери, но охранник удержал его за плечо. — Подойдите к ним, — предложил человек в костюме. — Обнимите. Убедитесь, что это они. Мы люди слова.

Инстинкт кричал: *«Ловушка! Не сходи с места!»*. Но человеческая натура оказалась сильнее. Олег сделал шаг из тени. Затем второй. Он спускался по наклонному желобу, не отрывая глаз от жены. Лена попыталась что-то сказать, но охранник грубо толкнул ее в спину. Мальчик заплакал — тихо, почти беззвучно, закусив губу до крови. Настоящий мужской плач от бессилия. Олег спустился на песок. До семьи оставалось пять метров. До человека в пиджаке — восемь. До охранников — десять. — Код от квартиры? — спросил Олег хрипло. — Дата рождения Мишки плюс номер дома. — Одиннадцать ноль четыре, — ответила Лена, глядя на него умоляюще. — Олег, пожалуйста..

Всё сошлось. Это были они. Живые. Теплые. Запуганные до смерти. Человек в костюме удовлетворенно кивнул. — Отлично. А теперь условия обмена, капитан. Вы кладете оружие на песок. Медленно. Затем мы уезжаем. Вы садитесь в свою машину и возвращаетесь в город. Флешка с данными Бернштейна остается у вас. Нам плевать на юристов. Копий достаточно. Но помните: если вы сделаете хоть одно резкое движение, мальчик получит пулю в живот. Чтобы папа смотрел, как вытекают его кишки. Мы умеем быть убедительными.

Олег посмотрел на пистолет на своем бедре. Система дала сбой. Программа «Убей их всех» столкнулась с файлом «Защити любой ценой». Процессор мозга перегрелся. Он начал поднимать руку, чтобы отстегнуть ремешок кобуры. И в этот момент воздух разорвал звук, который невозможно спутать ни с чем. *Ш-ш-шшххх... Бззздынь!*

Стальная дверь одного из боковых казематов, ведущая во внутренний двор, слетела с петель, выбитая направленным взрывом. Во все стороны полетели куски бетона и осколки арматуры. В проем влетело облако дыма, а следом — фигуры. Не спецназ ФСБ. Не тихие убийцы Барона. Это были боевики Кречета. Десять человек в штурмовой экипировке «Ратник», с автоматами АК-12, увешанными тактическим обвесом. Они ворвались лавиной, расходясь веером, занимая сектора огня.

— Стоять всем! Мордой в пол! Руки! — заревел мегафон. Но первым среагировал человек в костюме. Он оказался невероятно быстрым для своего интеллигентного вида. Вместо того чтобы бежать или хвататься за ствол, он прыгнул прямо на Олега, выставив руки вперед. В правой руке блеснул узкий стилет.

Олег принял вес удара на здоровое левое плечо, уходя с линии основного вектора силы. Стиллет прошел в миллиметре от ребер, вспоров ткань бронежилета. Они покатались по песку. Охранники Барона открыли огонь по людям Кречета. Галерея взорвалась вспышками и грохотом. Замкнутое пространство усилило звук до болевого порога. Свинец с визгом рикошетил от бетонных стен, высекая искры.

Олег ударил лбом в переносицу противника. Хруст. Человек в костюме взвыл, брызжа кровью, но пальцы левой руки Олега уже нашли его кадык. Сдавливающее движение. Тремя килограммами усилия прервать доступ кислорода. Противник захрипел, закатывая глаза. Олег оттолкнул обмякшее тело и вскочил на ноги. Картина ада развернулась перед ним полностью. Люди Кречета заливали огнем остатки группы Барона. Те отстреливались из-за колонн, экономя патроны. Семья стояла посреди этого ада. Охранник, державший Мишку, упал первым — очередь перерезала его пополам. Мальчик рухнул на песок рядом с трупом, оглушенный взрывом светошумовой гранаты, брошенной кем-то из штурмовиков.

Время замедлилось. Олег видел всё одновременно: как Лену схватил другой боевик Кречета, приставляя нож к горлу; как сверху, из темноты вентиляционной шахты под потолком, опускается трос; как на этом тросе бесшумно скользит вниз фигура в странном матовом комбинезоне, не похожем ни на армейский, ни на полицейский стандарт.

Новая сила. Третий игрок.

Фигура приземлилась мягко, как кошка, прямо между сцепившимися группами. Это был высокий, широкоплечий мужчина. Его лицо закрывал тактический шлем с полным забралом золотистого оттенка, отражающим пламя перестрелки. В руках он держал компактный пистолет-пулемет KRISS Vector. Оружие плюнуло свинцом дважды — вправо и влево. Два лучших стрелка Кречета упали с пробитыми головами, не успев понять, откуда пришла смерть. Два бойца Барона получили пули в коленные чашечки — несмертельно, но эффективно для вывода из строя.

Наступила пауза. Длилась она три секунды. Штурмовики Кречета замерли, опуская стволы. Их командир — седоусый мужик с погонами полковника — уставился на золотую маску незнакомца. — Кто такие? Назовите пароль! — прорычал полковник. Незнакомец медленно поднял свободную левую руку и нажал кнопку на предплечье. Забрало его шлема с жужжанием поднялось. Под ним оказалось лицо Седого. Дмитрия Сергеевича Громова. Только выглядел он иначе — моложе, собраннее, а глаза лишились привычной алкогольной мути. Теперь в них плескался холодный цинизм высшей лиги разведки. — Пароль сегодня такой: «Все лечь лицом вниз, пока дядя Гена не расстроился», — произнес Седой голосом, искаженным вокодером шлема. — Федеральная Служба Безопасности. Управление специальных операций. Операция «Крысолов». Приказываю бросить оружие.

Полковник кречетовской гвардии побледнел. Одно дело — воевать с бандитами Барона. Совсем другое — попасть под раздачу собственной контрразведки. Спецоперации ФСБ такого уровня имели право открывать огонь на поражение по любым представителям силовых ведомств без предупреждения. — Мы выполняем приказ вице-губернатора! — попытался возразить полковник. — Ваш вице-губернатор сидит в предвариловке по обвинению в государственной измене, — отрезал Седой. — Вместе со всей своей канцелярией. Сложили стволы. Живо!

Боевики Кречета начали неуверенно опускаться на колени. Дисциплина боролась с инстинктом самосохранения. Бойцы Барона уже лежали на полу, бросив свои дорогие игрушки.

Олег стоял неподвижно. Glock в его руке смотрел точно в грудь Седому. Предательство имело запах дорогого одеколona и чистого пластика нового оборудования. Проект «Тень» никогда не отпускал своих. Седой просто сменил сторону, перейдя из статуса наемника в статус легального чистильщика. Государство решило прибрать к рукам частную армию генерала Кречета, уничтожив попутно мешающего Барона.

— Олег, опусти пистолет, — сказал Седой, делая шаг вперед. — Всё кончено. Ты выиграл. Семья жива. Документы на экстрадицию твоей жены через Интерпол уже отозваны. Вы свободные люди.

Лена, воспользовавшись заминкой, вырвалась из рук ослабившего хватку охранника и бросилась к сыну. Прижала его к себе, закрывая своим телом. Она смотрела на Олега расширенными от ужаса глазами. Она видела мужа — грязного, раненого, стоящего среди горы трупов с нацеленным на друга оружием.

— Свободные? — переспросил Олег. Его голос прозвучал глухо из-под балаклавы. — Твои люди убивали моих клиентов, Дима. Я сжигал людей заживо ради твоих отчетов. А ты всё это время носил погоны? — Я носил то, что позволяло мне держать тебя в игре! — повысил голос Седой, снимая шлем. Маска цивилизованности окончательно слетела. Перед Олегом стоял хищник. — Если бы я отказался вести проект «Тень», кресло руководителя занял бы

Мясник. Или Химик. Ты думаешь, они дали бы тебе дожить до сегодняшнего дня? Я сохранял тебе жизнь, идиот! Я сливал тебе маршруты патрулей! Я предупредил тебя про санаторий, дав те координаты! Без меня ты сдох бы в порту еще неделю назад!

Слова били сильнее пуль. Потому что каждое слово было правдой. Логика спецслужб всегда безжалостна. Использовать осужденного агента против других преступников — классика жанра. Чистилище на земле.

— Где флешка Бернштейна? — спросил Седой, протягивая руку. — Отдай её мне, Олег. Закроем тему. Получишь новые документы, билеты в любую точку мира. Денег насыплем. Живи.

Олекс перевел взгляд с протянутой руки Седого на жену и сына. Мишка выглядывал из-за плеча матери. Он смотрел на отца не со страхом. С восхищением. Для восьмилетнего мальчишки отец сейчас был героем боевиков, богом войны, вышедшим из телевизора. Если Олег отдаст флешку, этот образ разобьется о реальность завтра, когда придут настоящие хозяева жизни и объяснят мальчику, что его папа — просто государственный киллер.

— Знаешь, в чем разница между тобой и мной, Дима? — Олег медленно опустил пистолет, но не разжал пальцев. — Ты веришь в систему. Думаешь, что служишь чему-то большему. Столице, бюджету, стабильности... Он сделал шаг навстречу Седому. Тот расслабился, посчитав жест капитуляцией. — ...А я верю только в физику, — закончил Олег.

Его левая рука молниеносно метнулась к поясу. В ней была не вторая пушка. Светошумовая граната РГД-5. Олег не выдергивал чеку зубами — это кино. Он нанес резкий удар кольцом чеки о стальной затвор собственного пистолета. Раздался звонкий щелчок. Спусковой рычаг отлетел в сторону.

— Ложись! — заорал Седой, понимая маневр слишком поздно. Олег швырнул гранату вертикально вверх, в темноту купола арсенала. Сам он прыжком ушел в сторону, плашмя падая на песок за станину старого орудия. Правой рукой он сгреб за шиворот ближайшего оглушенного бойца Барона и потянул на себя, используя его как живой щит.

Взрыв в замкнутом пространстве бетонного куба размером с футбольное поле — это событие тектонического масштаба. Огненный шар заполнил верхнюю треть помещения. Ударная волна прошла понизу, сметая тех, кто не успел упасть. Песок превратился в стеклянную корку. Барабанные перепонки Олега выдержали только благодаря тому, что рот был открыт, выравнивая давление, но в голове зазвенело так, будто туда вбили железнодорожный костыль.

Когда зрение вернулось, картина напоминала финал дантова ада. Люди Кречета валялись вповалку, контуженные, истекающие кровью из ушей и носа. Группа Барона потеряла строй. Сам Седой сидел на коленях, трясая головой — шлем смягчил удар, но контузия была обеспечена. Олег поднялся. Из рассеченного осколком лба текла кровь, застывая правый глаз. Плечо снова взорвалось болью — сорвало повязку. Он подошел к Седому. Наклонился. Посмотрел в мутные, ничего не понимающие глаза бывшего наставника. — Физику не обманешь, Дима, — прошептал Олег. — Угол падения равен углу отражения. Сегодня твой черед ловить свинец.

Выстрел из Glock прозвучал в звенящей тишине жалко и обыденно. Пуля вошла Седому точно в центр лба, проделав аккуратное черное отверстие. Никакого тумана из мозгов — входное отверстие было чистым. Профессиональный выстрел, отключающий нервную систему быстрее, чем сигнал боли дойдет до мышц.

Олег выпрямился. Перестрелка стихла. Остались только стоны раненых и шипение воды, капающей с потолка на раскаленный песок. Жена и сын стояли в тридцати метрах от него, целая группа захвата Кречета — тоже. Все смотрели на него. На единственного выжившего, стоящего над телом офицера ФСБ.

Теперь пути назад не было. Ни для кого. Он официально стал террористом, убившим сотрудника органов правопорядка при исполнении. Олег перешагнул через тело Седого. Поднял с пола шлем убитого. Золотистое забрало отразило его собственное лицо — страшное,

окровавленное, чужое. Он надел шлем на голову. Активировал встроенную систему связи. Частоты эфира взорвались паникой: — *«Рубин» базе! У нас потери! Объект вооружен! Повторяю, объект ведет огонь на поражение по всем фронтам!»* — *«Ястреб» вызывает поддержку! Нужен немедленный эвакуатор!»*

Олег переключил частоту на общую волну полиции города. Нажал тангенту передачи. Его голос, пропущенный через вокодер шлема, звучал механически и неотвратно, как глас судьбы: — *Говорит Зной. Генерал Кречет мертв. Полковник службы безопасности штаба ликвидирован. Ваши люди лежат на полу форта «Красная Горка». Если хотите забрать флешку Бернштейна — присылайте батальон. Одного будет мало.*

Он снял палец с кнопки. Наступила абсолютная, космическая тишина. Даже раненые перестали стонать, вслушиваясь в эфир. Олег повернулся к Лене и сыну. Сделал шаг к ним. Потом остановился. Между ними лежало пятнадцать метров открытого пространства, заваленного трупами. Он покачал головой. — *Бегите,* — прошептал он в микрофон гарнитуры, зная, что жена услышит вибрацию звука через камень. — *Бегите так далеко, как сможете. Найдите нору. Залезьте в неё и не вылезайте, пока всё не сгорит дотла.*

Олег отвернулся от семьи. Расправил плечи. Надел забрало шлема, отрезая себя от внешнего мира. Он пошел обратно к центру зала, туда, где лежало оружие убитых им людей. Ограбление века завершилось. Он украл самое ценное, что есть у государства — монополию на насилие. И теперь весь гнев империи обрушится на одну-единственную цель. На капитана Волкова.

Глава 8. Ложный след.

Сирены выли не переставая. Этот звук больше не был просто шумом — он стал физическим давлением, вибрирующим в зубах и проникающим под черепную коробку. Прошло ровно четыре минуты с того момента, как Олег произнес фразу в эфир федеральной полиции. Для обычного человека это время тянется вечность. Для спецназовца ГРУ на враждебной территории — это три вдоха.

Форт «Красная Горка» превратился в улей. Эхо перестрелки еще металось между бетонными сводами, но теперь к нему добавился тяжелый топот берцов по металлическим лестницам штурмовых групп СОБР. Они шли снизу, со стороны главного входа, методично выбивая двери направленным взрывом.

Олег стоял посреди орудийного дворика. Песок вокруг него почернел от копоти, а воздух пах озоном, сгоревшим порохом и медью. Он снял тактический шлем Седого — визор покрылся сеткой трещин от близкого взрыва гранаты. Его план был прост до гениальности и безумен до отчаяния. Устроить бойню всех против всех, уничтожить посредников (Барона через его людей, Кречета физически) и оставить государство перед фактом: есть флешка Бернштейна, нет никого, кто мог бы подтвердить её подлинность или ложность, кроме самого Волкова. Это давало ему статус игрока, а не мишени. По крайней мере, на первые полчаса.

— Папа! — крик Мишки резанул по нервам раскаленным ножом.

Олег обернулся. Лена стояла у дренажной шахты, ведущей наружу. Она держала сына за руку, но смотрела не на мужа. Её взгляд был прикован к черной воде залива внизу. Там, подсвечивая себе путь люстрами, разрезая волны, к берегу уже подходили два катера Береговой охраны. Третий игрок решил забрать свой куш прямо из-под носа полиции.

— Маршрут семь! — рявкнул Олег, перекрывая вой сирен. Голос сел, превратившись в рычание. — Бегом!

Лена кивнула. Страх сделал её движения механическими, точными. Она втолкнула Мишку в темный зев канализации. Мальчик споткнулся, упал на колени в ледяную воду, но тут же вскочил, цепляясь за ржавые скобы. Мать последовала за ним, оглянувшись на Олега последний раз. В её глазах была мольба, которую она боялась озвучить: «*Не оставляй нас снова*».

Оледенение сердца. Чтобы спасти их сейчас, он должен уйти в другую сторону. Если они уйдут вместе, группа захвата расстреляет их всех одной длинной очередью просто ради безопасности протокола. Семья рядом с призраком Зноем — это красная тряпка для быка. Их разделит только смерть или расстояние.

— Я найду вас! — бросил Олег в темноту вслед жене. Он сам не знал, правда это или ложь, необходимая для их выживания.

Он развернулся лицом к главному коридору. Луч мощного светодиодного фонаря ударил ему в глаза, ослепляя после полумрака казематов. — Стоять! Мордой в пол! Руки так, чтобы я видел твои ладони! — проревел усиленный динамиком голос.

Олег медленно развел руки в стороны. В правой руке он все еще сжимал Glock Седого. Пистолет полетел в лужу стоячей воды у стены. Брызги окатили ботинки первого бойца СОБР. — На колени! Замок рук на затылке!

Олег выполнил команду. Он позволил тяжелой бутсе в высоком берце врезаться сзади в сгиб коленей, заставляя рухнуть на мокрый бетон. Холод мгновенно пробрал сквозь ткань брюк. Его завалили лицом вниз, впечатывая щеку в песок и грязь. Колено придавило позвоночник так, что затрещали ребра. Больное плечо взорвалось фейерверком агонии. — Объект упакован! — доложил боец в рацию. — Чистый прием.

Мир перестал существовать. Были только запах пыли, боль в суставе и тяжесть чужих тел. Олега обыскивали профессионально, быстро, выворачивая карманы и срезая лямки разгрузки. Изъяли нож, запасные магазины, остатки промедола. Затем его резко подняли на ноги. Лицо горело от пощечин прикладом. — Где остальные? — спросил командир группы, снимая забрало. Капитан лет сорока, лицо усталое, злое. — Сколько стволов внутри? — Все мертвы, — прохрипел Олег, сплевывая кровь. Зуб шатался. — Кроме тех, что приехали на катерах. Ваши коллеги из ФСБ тоже здесь. Играете в пятнашки?

Капитан побагровел. Приказать избить пленного было легко, но ситуация выходила из-под контроля. Наличие трупа полковника внутренней безопасности меняло юридический статус операции с «задержание террориста» на «политическая катастрофа». — В машину его. Полный мешок на голову. И свяжите так, чтобы пальцы посинели. Если дернется — ломайте локти.

Ехали долго. Сначала в микроавтобусе Ford Transit, где жесткие пластиковые сиденья отдавливали почки на каждой кочке. Затем тряска прекратилась — значит, въехали на территорию закрытого объекта, скорее всего, аэродрома или ведомственного причала. Двигатель сменил тональность — гул самолетных турбин.

Мешок на голове лишал зрения, обостряя слух. Олег отключил сознание, переходя в режим энергосбережения. Сердцебиение замедлилось до пятидесяти ударов в минуту. Он сканировал звуки: закрыли рампу самолета (тяжелый лязг металла), запустились двигатели (низкий рокот Ил-76 или аналогичного транспортника). Летят далеко. Москва. Подвал на Лубянке. Или лесополоса в ближайшем Подмосковье, если Кречет успел запустить протокол экстренной ликвидации свидетелей.

Посадка была жесткой. Самолет явно шел на снижение в ручном режиме, проваливаясь в воздушные ямы. Когда рампа открылась, в нос ударил запах хвои, сырости и выхлопных газов дизельной техники. Не Московская область. Лес. Север.

Его вытащили из чрева транспортника. Ноги едва касались земли — контузия и долгое сидение в неудобной позе дали о себе знать нарушением кровообращения. Конвоиры практически волокли его по земле. — Шагай, ублюдок. Считай свои последние шаги.

Они прошли метров двести по лесной тропе. Под ногами хрустел гравий. Запах изменился — появился специфический душок хлорки и застывшего бетона, который бывает только в старых правительственных бункерах. Спуск на лифте. Кабина шла глубоко. Олег считал секунды падения. Двадцать секунд свободного хода троса при такой массе кабины означают глубину около ста пятидесяти метров. Уровень глубокого залегания метро. Двери открылись в белый кафель. Стерильность операционной контрастировала с грязью форта. Мешок сняли одним резким движением. Яркий свет галогенных ламп заставил зажмуриться до слез.

Комната была небольшой. Стол привинчен к полу. Стул тоже. За столом сидел человек. Это был Барон. Без золотого шлема, без камуфляжа. Дорогой льняной костюм, идеальная укладка волос, ухоженные ногти. Он выглядел как адвокат преуспевающей фирмы, зашедший обсудить условия слияния компаний. Единственной деталью, выдававшей напряжение, были желваки, играющие на скулах.

— Садитесь, капитан, — Барон указал рукой на стул напротив. — Хотя вам наверняка предложили сесть и без моей просьбы.

Действительно, руки Олега были заведены за спину и сцеплены стальными скобами наручников нового поколения — такие не разомкнешь даже ключом, нужен гидравлический резак. — Выглядите неважно, — продолжил Барон, когда Олег тяжело опустился на стул. — А ведь мы почти договорились по-хорошему. Зачем этот цирк в Красной Горке? Десять трупов моих специалистов, гибель куратора проекта от ФСБ Вы усложнили мне квартальный отчет.

Олег молчал. Он смотрел мимо Барона, на белую стену. Фокусировка взгляда на дальней точке помогала игнорировать боль. — Молчите, — усмехнулся Барон. — Что ж, ваше право.

Но учтите: ваша бывшая жена и сын сейчас находятся в очень уязвимом положении. Мы потеряли их визуальный контакт в канализации форта. Местная полиция ищет двух неопознанных граждан, вышедших из зоны контртеррористической операции. Если их задержат — Они знают правила тишины, — перебил Олег. Голос звучал как наждачная бумага. — Лена работала шифровальщиком в штабе округа до встречи со мной. Она исчезнет. — Исчезнет куда? — Барон наклонился вперед. От него пахло дорогим парфюмом и кофе. — В лесу зимой холодно, капитан. Особенно для ребенка. У них нет документов, нет денег, нет связи. Вы обрекли их на голод. Ради чего? Ради минутного торжества? Вы убили Громова. Вашего учителя. Думаете, это делает вас свободным?

Упоминание Седого задело струну, о существовании которой Олег забыл. Предательство Димона болью отозвалось в груди, смешавшись с адреналиновым откатом. — Громов выбрал свою пулю, когда надел погоны обратно, — сказал Олег. — Где флешка? — Какая проникаемость, — Барон театрально всплеснул руками. — Меня всегда восхищала ваша логика. Прямолинейная, как рельса. Вы думаете, всё дело в данных? Деньги Бернштейна — пыль. Копейки. Мне нужно было проверить вашу лояльность. Проверку вы провалили. Вы стали непредсказуемым фактором. Раковой клеткой в здоровом организме системы.

Барон достал из внутреннего кармана пиджака планшет. Положил его на стол экраном к Олегу. На дисплее отображалась карта города. Точка мигала красным в районе Приморского шоссе. — Пока вы геройствовали в порту и устраивали гладиаторские бои в исторических памятниках, мои люди работали, — тихо произнес Барон. — Видите эту точку? Это сигнал маячка, вшитого в воротник куртки вашего сына. Сердце Олега пропустило удар. Мир сузился до этой пульсирующей красной точки. — Вы лжете, — выдохнул он. — Маячки стоят только на ваших активах. — Михаил никогда не был моим активом, — жестко возразил Барон. — Он был вашим слабым местом. Инструментом давления. Но инструменты имеют свойство теряться. Группа перехвата потеряла ваш автомобиль час назад в районе Выборгского шоссе — умный маневр, кстати, использовали слепые зоны камер. Но электроника машины продолжала транслировать GPS-трек. Ваша семья села в такси. Обычное городское желтое такси. Водитель оказался разговорчивым. Сказал, что везет мать с ребенком в травмпункт — мальчик порезал ногу разбитой бутылкой в подвале форта. Таксист отвез их по адресу. Красная точка замерла в жилом массиве Купчино. Спальный район-муравейник. — Они там одни, Олег, — Барон выключил планшет. — Без оружия. Без еды. Окруженные моими людьми. Я могу отдать приказ закончить всё прямо сейчас. Тихий сердечный приступ для женщины. Несчастный случай для мальчика. Никто не будет расследовать смерть семьи государственного преступника.

Кислород вдруг закончился. Легкие отказались вдыхать фильтрованный воздух бункера. Кровь бросилась в лицо, в ушах зазвенело. Инстинкт требовал одного — встать и убить Барона голыми руками. Разорвать горло зубами. Наручники впились в кости запястий до крови, но Олег этого не почувствовал. Вся вселенная сжалась до необходимости защитить Мишку. — Хорошо, — голос Олега дрогнул впервые за ночь. — Забирайте флешку. Только отпустите их. Прямо сейчас. Дайте им машину и границу. — Слишком поздно для торговли, — покачал головой Барон. — Вы показали зубы. Система не прощает укусов. Теперь речь идет не о сделке. Речь идет о демонстрации. О санитарной рубке леса. Внезапно лампа над столом коротко моргнула. Светодиоды потускнели, сменив цвет с холодного белого на тревожный оранжевый. Раздался низкий, утробный гул, прошедший по костям. Пол под ногами мелко завибрировал. Барон удивленно поднял брови. Посмотрел на часы. Затем на дверь. — Землетрясения в Петербурге редкость, — заметил Олег, чувствуя, как уголки его рта сами собой ползут вверх в хищном оскале.

Гул нарастал. С потолка посыпалась мелкая известковая крошка. Где-то вдалеке истошно звывала сирена противовоздушной обороны базы. Барон вскочил, опрокидывая стул. Нажал кнопку на столе: — Охрана! Доклад! Что происходит?! Ответом был только треск статики.

Затем — панический голос дежурного офицера, прорвавшийся сквозь помехи: — удар подтвержден! Три крылатые ракеты класса «воздух-земля»! Две идут на главный вход, одна на энергоузел! Время до контакта тридцать секунд! Протокол «Армагеддон»! Эвакуация невозможна!

Барон замер. Его маска успешного менеджера рассыпалась, обнажая животный ужас. — Кто кто дал санкцию? — прошептал он. — Физику не обманешь, — повторил Олег слова, сказанные Седому. — Угол падения равен углу отражения. Ты думал, ты единственный кукловод?

Взрыв первой ракеты сотряс бункер раньше, чем стих голос дежурного. Ударная волна прокатилась по подземелью, несмотря на сотни метров грунта сверху. Потух основной свет. Включилось тусклое аварийное освещение. Со стеллажей посыпались папки с личными делами агентов — тысячи страниц государственной тайны превратились в бумажный мусор.

Барон упал на четвереньки, зажимая уши. Из носа у него пошла кровь — перепонки не выдержали акустического удара. Олег остался сидеть. Цепи звенели. Он закрыл глаза, позволяя вибрации пройти сквозь тело. Боль в плече, голод, усталость — всё отступило перед этим ревом разрушения. Это был самый прекрасный звук, который он слышал за пять лет. Звездопад империи.

Когда вторая ракета вошла в систему вентиляции верхнего уровня, раздался оглушительный хлопок детонации топливовоздушной смеси. Коридоры базы, уходящие вдаль, наполнились огнем. Стена комнаты, где находились Олег и Барон, выгнулась внутрь пузырем. Металл застонал. Дверь сейфовой комнаты толщиной в полметра деформировалась, намертво заблокировав выход.

Барон пополз к Олегу, протягивая руки. Маникюр на пальцах был сломан, кожа содрана в кровь. — Выпусти меня! У тебя есть коды доступа к замкам! Ты же офицер службы эксплуатации! — визжал он, захлебываясь пылью. — Вместе! Мы выберемся!

Олег посмотрел на него сверху вниз. Впервые за весь вечер он улыбнулся искренне, широко, показывая окровавленные зубы. Настоящую, человеческую улыбку облегчения. — Свободных людей не бывает, Барон. Бывают разные хозяева. Мой новый хозяин гораздо щедрее твоего. Он прислал билеты в первый ряд на конец света бесплатно.

Третий удар пришелся точно в энергоузел. Свет погас окончательно. Наступила абсолютная, первобытная тьма, разрезаемая лишь искрами короткого замыкания кабелей. Где-то в темноте раздавался тихий, булькающий смех Олега Волкова, перемежающийся с предсмертными хрипами человека, считавшего себя Богом.

Пыль оседала трое суток. Бункер перестал быть крепостью. Он превратился в братскую могилу, запечатанную бетоном и скалой. Температура внутри поднималась — пожар на верхних уровнях отрезал доступ кислорода, превращая нижние этажи в доменную печь.

Но проектировщики советских убежищ были параноиками. В стене кабинета, где сидел Олег, скрывалась техническая ниша сервисного обслуживания шлюзовых механизмов. Узкий лаз, предназначенный для ремонтных дронов. Человек туда пролезть не мог. Почти.

Олег нашел этот лаз ощупью, во мраке, ориентируясь на ток воздуха. Свежий, морозный воздух откуда-то сбоку. Он сбросил вес. Жесткая диета последних дней, кровопотеря и стресс сделали свое дело — он похудел килограммов на десять, став похож на собственную тень. Сбросив верхнюю одежду, обильно смазав кожу машинным маслом из разбитого генератора, он начал протискиваться в щель шириной сорок сантиметров.

Ребра трещали. Локти стерлись до мяса о гофрированный металл трубы. Правое плечо, раненое и воспаленное, каждое движение встречало вспышкой белой боли, грозящей отключить сознание. Три метра трубы заняли два часа адских усилий. Это была пытка, сравнимая с китайской водяной каплей, только вместо капли была собственная воля, вбивающая тело в тесноту.

Труба закончилась решеткой. Олег выдавил её плечом и выпал в технический коллектор ливневой канализации внешнего периметра базы. Сверху падал снег. Первый ноябрьский снег этого года. Крупные, пушистые хлопья, которые сразу таяли на его обожженном лице.

Он лежал в ледяной жиже, среди мусора и веток, вынесенных взрывом наружу через разрушенные вентиляционные шахты. Над головой виднелся кусок серого неба. Свобода пахла гарью и холодом.

Олег перевернулся на спину. Снег ложился на ресницы. Каждая снежинка приносила облегчение горящему телу. Он жив. Проект «Тень» погребен под тоннами скального грунта. Барон мертв. Кречет арестован своими же учениками. Архитектура власти, державшаяся на страхе и теневых капиталах, получила пробоину ниже ватерлинии.

Но красная точка на планшете Барона всё ещё стояла перед глазами. Купчино. Сын один. Олег с трудом поднялся на колени. Осмотрел себя. Обгоревший комбинезон, босые ноги (ботинки остались в трубе), руки в крови. Призрак. Выходец из ада.

Он пошарил в обломках вокруг. Найти оружие на уничтоженной базе невозможно — всё сплавилось в единый монолит. Но база была огромным организмом. У неё должны быть конечности.

Олег пополз вдоль внешней стены периметра, прячась в тени деревьев. Ему нужна была одежда. Еда. Транспорт. И информация. Настоящая информация, а не та фальшивка, которой его кормили эти годы. Если Барон солгал про маячок — значит, Лена и Мишка в безопасности, и можно уходить на дно. Если Барон сказал правду значит, война не закончена. Она только начинается. И первым делом нужно нанести визит вежливости таксисту, который слишком много знает.

Скрываясь в заснеженном лесу, хромая и оставляя за собой кровавую дорожку, Олег Волков шагнул из огня ядерного погребения своего прошлого прямо в ледяную неизвестность настоящего.

Глава 9. Двойная игра.

Ноябрьский лес под Петербургом — это не живописные пейзажи с открыток. Это сырая, промозглая могила цвета пепла. Снег, начавшийся в бункере, здесь, на земле, превратился в ледяную крупу, которая секла лицо и мгновенно таяла, пропитывая одежду ледяной водой.

Олег двигался по звериному следу — вдоль русла замерзшего ручья. Босые ноги давно потеряли чувствительность. Боль ушла, сменившись тяжелым, пульсирующим онемением, которое поднималось от ступней к коленям. Он знал симптомы: начинающееся обморожение второй степени. Если в ближайшие час-два он не найдет тепло, пальцы придется ампутировать. А без пальцев стрелок — просто мишень.

Первым делом стала одежда. На старой егерской просеке, куда его вывела звериная тропа, стоял полуразвалившийся сарай для хранения сена. Крыша провалилась, но один угол оставался сухим. Олег рухнул там, сворачиваясь клубком, пытаясь сохранить остатки тепла собственного тела. Сознание работало в аварийном режиме, отсекая всё лишнее. Эмоции? Выключены. Страх за семью? Загнан в дальний угол черепной коробки до востребования. Сейчас существовала только биомеханика. Он ошупал карманы своих изодранных брюк. Пусто. Ни зажигалки, ни даже презерватива из набора выживания. Барон оставил его абсолютно чистым. Голым королем в ледяной пустыне.

Взгляд зацепился за старый аккумуляторный фонарь «Летучая мышь», валявшийся в углу среди прелой соломы. Корпус проржавел, стекло треснуло. Олег расковырял металл ногтями, которые ломались с тихим хрустом добравшись до цоколя. Медная спираль лампочки накаливания. Провода. Он вытянул из подкладки куртки клочок синтетической ваты, пропитал его литолом из разбитого подшипника, который нашел тут же. Искру пришлось высекать старым дедовским способом — ударя лезвием ножа (НР-43 он каким-то чудом сохранил, примотав к предплечью полосками ткани) по куску кремня. Нож жалобно звякнул, искры полетели на ветошь. Вата затлела неохотно, выпуская едкий химический дым. Но через минуту у Олега был крошечный, трепещущий оранжевый лепесток огня.

Тепло костра из старых досок сарая было грязным, дымным, оно разъедало глаза, но возвращало жизнь пальцам. Боль при возвращении кровотока была такой острой, что Олег закусил воротник куртки, чтобы не взвыть в голос. Вой привлекает волков и людей. И те, и другие сейчас были одинаково опасны.

Рассвет окрасил небо в цвет свинцового кровоподтека. Олег вышел к трассе. До города оставалось километров двадцать. Идти пешком означало самоубийство. Он выбрал позицию за поваленной сосной, метрах в пятидесяти от автобусной остановки. Место идеальное: кусты шиповника давали укрытие, а изгиб дороги заставлял машины сбрасывать скорость.

Ждать пришлось недолго. Старый УАЗ-«буханка» лесовозов притормозил сам, едва завидев фигуру на дороге. Шофер — мужик лет шестидесяти, заросший бородой по самые глаза, опустил стекло. — Замерзнешь, служивый, — пробасил он, окидывая взглядом оборванца. — Садись, пока полиция не нарисовалась. Тебя ж, поди, уже в федеральный розыск кинули? По ящику только про тебя и талдычат. Террорист номер один.

Олег молча забрался в теплое нутро кабины. Здесь пахло бензином, дешевым табаком и псиной. На торпедо стояла иконка Николая Чудотворца. Машина тронулась, тяжело переваливаясь на колдобинах. — Куда тебе? — спросил водитель, протягивая флягу с чаем. — Только учти, в город не поеду. Там блокпосты на каждом шагу. Мордой в пол кладут всех подряд. — До поворота на садоводства, — хрипло ответил Олег, делая глоток. Горячий, приторно-сладкий чай обжег пищевод. — Дальше я сам. — Сам — усмехнулся шофер в бороду. — Видел я таких «сам». Глаза у тебя мертвые. Как у тех пацанов, что из Афгана в цинке прилетали. Ты где воевал-то? — Везде, — коротко бросил Олег. Разговор начал его тяготить. Каждый звук

человеческого голоса требовал энергии, которой не осталось. — Понятно, — кивнул водитель. — Значит, везде. Я вот тоже думал, везде можно правду найти. Ан нет. Правда нынче дорогая, не каждому по карману.

УАЗ высадил его возле покосившегося указателя «СНТ "Ромашка"». Олег спрыгнул на гравий, поправил нож под курткой и захлопнул дверь. Лесовоз бибкнул на прощание и скрылся в тумане.

Коттеджный поселок встретил его тишиной богатого кладбища. Зимние дачи стояли пустыми коробками с темными окнами. Дорогие дома, купленные чиновниками средней руки на нетрудовые доходы. Именно сюда привезли Лену и Мишку люди Барона после форта. Олег шел вдоль заборов, сливаясь с тенями. Планшет Барона сторел вместе с бункером, но память профессионального разведчика хранила координаты точнее любого GPS. Красная точка. Купчино. Двухэтажный дом из красного кирпича с синей крышей. Третий слева от трансформаторной будки.

Забор вокруг участка был высоким, из профнастила. Камеры наблюдения висели на углах, но Олег заметил их сразу. Одна смотрела прямо на калитку — стандартная IP-камера. Вторая, замаскированная под шляпку болта на столбе, контролировала периметр. Но камеры слепы, если им перерезать питание.

Трансформаторная будка гудела ровно и успокаивающе. Старый советский ящик. Олег обошел её сзади. Замок представлял собой простую дужку. Для обычного человека — препятствие. Для того, кто вскрывал сейфы генералов пальцами — детская игрушка. Он использовал тонкое шило своего ножа, найдя слабую точку в личинке. Щелчок. Дверь открылась.

Рубильник основного питания поселка находился внутри. Массивный рычаг. Олег выдохнул и дернул его вниз. Гул трансформатора изменился. Поселок погрузился во тьму. Камеры умерли. Система сигнализации коттеджей пискнула и отключилась.

Теперь счет шел на секунды. Охрана Барона — если она здесь есть — профессионалы. Они знают, что потеря связи означает штурм. Через две минуты они перейдут на резервное питание генераторов или автономные рации.

Олег перемахнул забор одним движением, используя мусорный бак как ступеньку. Приземлился мягко, перекатом. Прижался к стене дома. Окна первого этажа темные. Второе этаж — спальня хозяев. Светомаскировка плотная. Он достал нож. Обернул лезвие куском прорезиненной ткани, найденной в сарае. Инструмент взломщика снова готов к работе.

Стеклорез прошелся по оконному стеклу гостиной бесшумно. Круг диаметром пятнадцать сантиметров. Кусок стекла аккуратно вынут присоской (сделанной из резиновой пробки). Олег просунул руку, открыл шпингалет. В доме пахло чужим жильем — освежителем воздуха с запахом «альпийских лугов» и тревогой.

Олег скользнул внутрь. Пол мягкий, ламинат почти не скрипит. Первый этаж чист. Кухня, гостиная. На столе — два нетронутых стакана с водой и открытая коробка дорогих швейцарских шоколадных конфет. Лена никогда не ела сладкого в моменты стресса — берегла фигуру. Это ловушка. Приманка. Расчет на то, что беглец потеряет бдительность при виде следов пребывания близких.

Олег замер. Прислушался. Второй этаж. Скрип половицы. Резкий, сухой. Не движение ребенка. Вес взрослого мужчины. Около девяноста килограммов. Ботинок армейского образца. Стоит на месте, контролирует лестницу сверху.

Засада. Классическая схема «гнездо»: двое внизу, трое наверху, объект посередине. Ждут, когда добыча сама придет в центр перекрестного огня.

Значит, семья не здесь. Их использовали как наживку, чтобы вытащить Зноя из-под земли. Барон блефовал насчет таксиста и маячка? Или часть правды все-таки была истиной? Сейчас это не имело значения. Важно лишь то, что дом — смертельная западня.

Олег сделал шаг назад к окну, собираясь уйти так же тихо, как пришел. И в этот момент сверху раздался тихий, сдавленный всхлип. Женский. Лена.

Инстинкт самосохранения отключился. Нейронные цепи, отвечающие за тактику боя, перегрузились от эмоционального импульса. *Она жива. Она здесь.*

Олег взлетел по лестнице прыжком через три ступени. Перил не касался — дерево всегда выдает вибрацию. Его веса хватило бы проломить ступени, но годы тренировок научили распределять массу тела идеально.

Площадка второго этажа. Коридор. Четыре двери. Дверь в ванную приоткрыта. Оттуда тянуло холодом — окно выбито. Из-за двери хозяйской спальни донесся мужской шепот: — если сунется, бей по ногам. Живьем нужен. Генерал Кречет хочет лично ему печень вырезать.

Голос принадлежал Седому. Нет, человеку, выглядящему как Седой. Олег понял уловку слишком поздно. Барон воскресил мертвеца. Цифровой двойник, запись голоса, синтезированная нейросетью, отправленная по зашифрованному каналу в тот планшет на базе. Пока Олег рыл носом землю, ища несуществующего таксиста, настоящая группа захвата занимала позиции в этом доме. Это была идеальная психологическая операция. Заставить врага поверить, что он переиграл систему, заставить его бежать спасать призрак семьи, загнать в единственную точку на карте, полностью контролируемую противником.

— Он идет, — прошептал второй голос. Профессиональный, лишенный эмоций. Командир подгруппы.

Олег принял решение за долю секунды. Бой в узком коридоре против пятерых спецов равносителен самоубийству. Нужно создать хаос. Он сорвал со стены тяжелое зеркало в бронзовой раме. Примерился к весу. Металл и толстое стекло. Отличный метательный снаряд.

Резкий выход из-за угла. Зеркало полетело вдоль коридора, вращаясь ребром. Оно врезалось в стену рядом с головой командира группы, осыпав его градом стеклянной крошки и осколков бронзы. Следом влетел Олег. Коридор длиной шесть метров. Слева — спальня (двое бойцов), справа — детская (один боец, держит Лену и Мишку). Олег не стал входить в дверной проем грудью — самоубийство. Он упал на колени и въехал в комнату детской скольжением, как хоккеист, выставив вперед кулак, обмотанный рукавом куртки.

Боец у окна — молодой парень, расслабленный долгим ожиданием — не успел опустить автомат. Кулак Олега врезался ему точно в адамово яблоко. Хруст хрящей. Парень сложился пополам, хватая ртом воздух, выронив оружие. Мишка сидел на кровати, привязанный скотчем к стулу. Лена лежала на полу лицом вниз, руки сцеплены наручниками за спиной. Рядом с ней — лужица крови из разбитой губы. Увидев мужа, она отчаянно замотала головой, глядя поверх него, на вход в детскую.

Олег развернулся. Из хозяйской спальни уже бежали двое. Первый стрелял от бедра короткими очередями. Пули калибра 5.45 с визгом впивались в детские игрушки, раздирая плюшевых медведей в клочья.

Олег схватил стул, к которому был прикручен Мишка, и швырнул его навстречу атакующим. Стул тяжелый, дубовый. Он сбил темп наступления, заставив бойцов отпрыгнуть. Этого мгновения хватило. Олег прыгнул обратно в коридор. Перекат. Две гранаты РГД-5, снятые с пояса оглушенного парня в детской, полетели в разные стороны — одну в спальню, вторую в ванную, где засел четвертый номер.

Взрывы слились в один. Дом содрогнулся. С потолка посыпалась штукатурка. Осколки стекла из ванной вонзились в обои причудливым узором. Крики боли. Кто-то остался жив, но контужен.

Олег вернулся в детскую. Освободил сына. Мальчик бросился к нему, но Олег жестко удержал его за плечи. — Тихо. За мной. Под кровать. Ждать команды. Мишка кивнул. В глазах восьмилетнего ребенка больше не было страха. Был фанатичный восторг. Он смотрел на отца как на божество войны.

Олег подобрал автомат упавшего бойца. Проверил магазин. Полный. Он выглянул в коридор. Дым стелился по полу. Из хозяйской спальни выползал раненый — одному осколком срезаю половину лица. Добивать времени нет.

Олег сменил тактику. Теперь он работал вторым номером. Оборона. Он затащил Лену в детскую, заблокировал дверь комодом. Комната превратилась в крепость. Одно окно, одна дверь. Идеально для последнего боя.

— Зачем ты пришел? — прохрипела Лена, размазывая кровь по лицу. — Мы же договорились! Я должна была отдать им флешку!

Слово «флешка» резануло слух. Флешка Бернштейна. Которая якобы стоила жизнью десятков людей. Ради которой убили Седого и взорвали подземный бункер. Олег посмотрел на жену. Потом на свои руки. Потом на элитную экипировку убитых бойцов. Всё встало на свои места. Холодная, ясная, убийственная логика спецслужб. Проект «Тень» действительно существовал. Но финансировался он не мифическими меценатами. Деньги шли из бюджета. Кречет создал частную армию для выполнения грязной работы государства, а когда пришло время смены караула, новое руководство решило списать актив. Вместе с исполнителями.

Барон не был предателем системы. Барон *был* системой. Новой структурой ФСБ, пришедшей на смену старому ГРУ Кречета. Вся эта кровавая баня в порту, яхте и форте была операцией внутренней чистки. Устранение конкурентов руками тупого инструмента — капитана Волкова. А вспышка памяти о семье, звонок, красная точка на планшете — это был пульт управления собакой Павлова. Нажми кнопку — получишь слюну. Нажми кнопку «Семья в опасности» — получишь трупы врагов режима.

— Флешки не существует, — тихо сказал Олег, перезаряжая автомат. — Что? — Лена подняла на него заплаканные глаза. — Бернштейн держал копии в банке Швейцарии. То, что мы скачали — это дезинформация. Набор компромата на мелких сошек. Настоящие данные ушли по дипломатическим каналам месяц назад. Нас развели, Лена. Всех. Меня натравили на Кречета, вас используют как поводок для меня.

За дверью послышался топот. Спецназ оправился от взрыва. Работали четко — двое держат лестницу, остальные обходят по улице к окнам фасада.

— Тогда зачем всё это? — спросила Лена, прижимая к себе плачущего Мишку. — Зачем мы бежим? — Потому что свидетели долго не живут, — ответил Олег. Он подошел к сыну, потрепал его по волосам. — Папа скоро закончит дела. Никуда не выходите, что бы ни услышали. Даже если буду кричать.

Он поцеловал обоих — сначала мокрую щеку жены, потом макушку сына. Запахи их тел — шампуня, страха и родного тепла — врезались в память намертво. Это топливо, которое будет гореть в нем следующие сутки.

Олег выломал сетку на окне детской. Второй этаж. Высота небольшая, под окном сугроб, собранный дворником-неумехой. Мягкая посадка гарантирована. — Я люблю вас, — сказал он, прежде чем перекинуть ноги через подоконник. — Помните об этом. Всё, что я делал — ради вас.

Он прыгнул. Снег смягчил удар. Перекат. Прикрыть огнем окно, чтобы жена успела задвинуть комод окончательно. Во дворе появились фигуры. Те самые «водители такси» и прочие статисты Барона. Десять человек охватывали дом кольцом. Олег встал в полный рост посреди заснеженного газона. Автомат вскинут к плечу. Раненое плечо отозвалось вспышкой боли, но адреналин держал тело стальным каркасом. — Эй! — крикнул он, снимая палец с предохранителя. — Ваш генерал Кречет арестован! Вас пустили в расход! Звоните своим кураторам, проверьте сводки МВД! Вас сольют при первой попытке взять меня живым!

Командир группы захвата — тот самый лже-Седой — вышел из-за угла гаража. В руках пистолет-пулемет МР7. Лицо спокойное, уверенное. Он знал правду. Он и был курьером той самой дезинформации. — Хорошая попытка, Зной, — прогремел усиленный динамиком

голос. — Психологическая атака уровня учебки. Бросай ствол. Получишь инъекцию сыворотки правды и мягкую камеру в психушке. Иначе мальчик увидит, как прострелят голову его матери. Олег улыбнулся. Широкой, безумной улыбкой человека, сбросившего с себя последние оковы иллюзий. Они думают, он защищает свою семью. Нет. Он использует свою семью как последний щит. Пока эти десять бойцов смотрят на окна коттеджа, ожидая появления женщины и ребенка, они открыты. Их внимание сужено сектором в тридцать градусов перед фасадом здания.

Никто не смотрит на крышу соседнего особняка. Особняка, крыша которого покрыта дорогой финской металлочерепицей, идеальной для сцепления ботинок. Особняка, стоящего выше по рельефу.

Олег не побежал. Он пошел шагом, прямо на автоматы, демонстративно отбрасывая свое оружие в снег. — Хорошо, — крикнул он. — Ваша взяла. Ведите. Бойцы расслабились. Один даже позволил себе ухмыльнуться. Классика: сломленный враг сдался. Можно подойти ближе, надеть наручники, насладиться победой. Нарушить дистанцию безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.